

Не будни учителя

Лена Коваленко

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лена Коваленко
НЕ будни учителя
Серия «Трудовые будни
учителя (текст)», книга 4

<https://litres.ru/73791352>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — училка, которая знает все правила, кроме одного: как не влюбляться в женатых.

Он — мент, который ловит преступников, но не может найти самого себя.

Тамара и Макс — это не «идеальная пара». Это катастрофа, замаскированная под судьбу.

Она мечтает о ребёнке, но встречает лишь козлов с кольцами. Он терпеть не может слабаков — особенно в себе.

Их отношения? Не цветы и шампанское. Это бурные ссоры, слёзы и обиды. А ещё выбор: страх или риск?

Потому что настоящая любовь — это когда хочется убежать... но не можешь.

Новые главы выходят без графика.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	51
Глава 7	59
Глава 8	67
Глава 9	75
Глава 10	87
Глава 11	94
Глава 12	104
Глава 13	111
Глава 14	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Лена Коваленко

НЕ будни учителя

Пролог

Пролог

«В чем же главная мысль текста Салтыкова-Щедрина? А вот в чем! Автор выразил ту мысль, которая у него выразилась».

(Из школьных сочинений. Просторы интернета)

Музыка: «Всё будет вовремя» (АИЛИ)

Тома

Открываю глаза. Сначала левый, а спустя минуту и правый. Ситуацию это не спасает: огромная мужская лапища, обнимающая меня, не превращается в мираж. Ровно так же, как не исчезают и ощущения огромной грелки у спины, тёплого «ароматного» дыхания у уха и дубины, упирающейся в поясницу.

Память отказывается воспроизводить подробности вчерашнего вечера, зато тело отлично всё запомнило. Мышцы слегка тянет, внутри будто огненный цветок расцвёл, грудь ноет, а горло дерёт — будто голос сорван. Диагноз однозначен.

чен: вчера у меня был секс.

Пока воспоминания ещё не вернулись ко мне, успеваю по-мечтать о том, что он был не с женатым и без презерватива. Да-да. Святая Тамара Ивановна далеко не так непогрешима, как обо мне думают все: ученики, коллеги, друзья. Принято считать, что учительницы русского языка и литературы — этикие тургеневские барышни: краснеют от слова «член», а беременеют исключительно непорочным зачатием — в крайнем случае, в миссионерской позе, от мужа, при выключенном свете и в одежде.

А вот не получается у меня так!

Женатики — это моё проклятие. Это не преувеличение и не метафора. Когда очередной мой роман превратился в отвратительный скандал, я не выдержала и поехала к бабушке-ведунье Она и сказала про проклятие, доставшееся от прабабушки. Та увела жениха из-под венца у лучшей подружки. А разгневанная подружка и «отблагодарила».

Ведунья даже милостиво поведала рецепт моего счастья: мужчина с чистой душой, но резким языком, должен сначала меня обидеть, потом сделать счастливой, а затем ещё и похитить. Только тогда мой род освободится от проклятья.

Мой рациональный разум — учительницы двадцать первого века — долго отторгал эту информацию. Пока не выяснилось, что у моей бабушки по отцовской линии тоже романы были только с женатыми. И тоже не по её воле.

Все эти женатые приключения настолько измотали меня,

что я уже не хочу никакого мужика в своей жизни. Я хочу ребёнка. Я буду самой лучшей мамой. Я буду стараться. Я буду любить это маленькое счастье сильно-сильно.

Я пашу как проклятая — в школе и как репетитор, чтобы накопить на ЭКО из банка спермы. Ещё коплю подушку безопасности на первое время. Декретные у школьного учителя — это боль и слёзы. Даже хуже зарплаты.

Если после вчерашних приключений я забеременею, то стану самой счастливой женщиной в мире. Моих накопленных хватит на весь период декрета. Я уже нашла садик с развивашками, куда малыш пойдёт в первое время — всего на пару часов, чтобы у меня была возможность подработать. Если я обойдусь без ЭКО, то смогу потратить эти деньги на жизнь. Значит, даже такой мини-сад не потребуется. И я смогу посвятить себя малышу полностью.

Я нечеловечески устала слышать: «Тамара Ивановна, а сколько у вас своих деток? Вы так ловко справляетесь с нашими!», «Тамара Ивановна, из вас получится прекрасная мать», «Тамара Ивановна, у вас самые везучие дети в мире, вы понимаете подростков!». Каждый считает, что делает мне комплимент, а мне кажется, что в меня наживую засаживают гвоздь за гвоздём.

Гипнотизирую руку — ту, что уверенно обнимает меня. Кольца нет. Ни следа от него, ни выгоревшего контура, ни характерной ямки от долгого ношения. Это хорошо. Шанс есть, что он свободен. Хотя и это не показатель.

Был у меня отвратительный опыт — мужик жил на два дома. Тот случай, когда имя абсолютно дисгармонирует с сутью человека. То был не Лев — царь зверей, а подлая, двуличная гиена.

Синтаксическая катастрофа!

Ко мне внезапно возвращаются воспоминания вчерашнего вечера.

Петровский?

Ой-ёй-ёй!

Хотя... Внезапно вся внутренняя паника отступает. Уходит тихо, будто вода в море при отливе.

А что, в конце концов, произошло? Петровский точно не женат. Сын его не в моём классе, а такими темпами и русский я у него вести не буду. Взрослые люди встретились, переспали — разошлись.

Жаль, что, несмотря на алкоголь, Макс педантично заботился о защите. Вряд ли я забеременею, но надежда на волшебные 2% всё же остаётся.

Господи-боже, пусть я попаду в эти 2%? Ну, пожалуйста... Должно же мне когда-нибудь повезти?

Важное предупреждение 18+

Данное произведение содержит материалы деликатного характера, включая: нецензурную лексику; сцены насилия и описания травм; эпизоды употребления алкоголя, табачных изделий и наркотических веществ.

Автор категорически не пропагандирует и не одобряет описанные в произведении действия. Все события и ситуации представлены исключительно в художественных целях для создания достоверной атмосферы повествования.

Представленная история является плодом художественного вымысла и не призывает к подражанию описанным событиям. Автор не стремится романтизировать насилие, деструктивное поведение или иные формы девиантного поведения, а стремится к объективному отображению действительности.

Все персонажи вымышлены, а совпадения случайны. Действия происходят в альтернативной России, которая, хоть и похожа на нашу действительность, всё же имеет свои отличия.

Поведение и поступки персонажей могут противоречить личным моральным установкам и ожиданиям читателей. Рекомендую отнестись к произведению как к художественному вымыслу с соответствующим уровнем зрелости и критического мышления.

Глава 1

«У Ростовых было три дочери: Наташа, Соня и Николай.»
(Из школьных сочинений. Просторы интернета)

Музыка: «Самый лучший день» (Григорий Лепс)

Тома

То, что день не задался, стало понятно, когда мой автобус ушёл на пять минут раньше — естественно, без меня. За мной водилась отвратительная привычка приезжать на работу на полчаса раньше, поэтому я могла позволить себе не переживать об опоздании. Просто немного помёрзнуть под пронзительным ветром на остановке. Какая мелочь?

Само собой, следующий рейс оказался битком: я была не единственной опоздавшей. Непередаваемое амбре вчерашнего загула от расфуфыренной барышни в искусственной шубке смешалось с «Красной Москвой» очаровательной бабули с начёсом и стойким сигаретным шлейфом от спящего на ходу работяги, заставляя меня дышать ртом и через раз.

Ничего необычного, в общем-то. Общественный транспорт — он такой. Вот только моя дикая чувствительность к запахам, ставшая вечной шуткой в студенческие годы, делала дорогу просто невыносимой. Из автобуса я вывалилась измотанная — будто уже отстояла у доски шесть уроков под-

ряд, разбирая обособление членов предложения в восьмых классах. Там, на стадии слова «член», мыслительные процессы сначала замедляются, а потом и вовсе испаряются, уступая место скабрёжным шуткам и ухмылкам из «дома презрения».

Когда к третьему уроку с меня не потребовали дополнительный отчёт, мои милые семиклашки не взорвали кабинет физики, а компьютер в кабинете даже не тупил, я позволила себе расслабиться. Оказалось, зря.

Восьмой «Б» ввалился ко мне, как обычно, уже после звонка — вместе со своей классной руководительницей, совсем молоденькой учительницей физики — Татьяной Михайловной. Борьба с дисциплиной в этом классе было бессмысленно. Сама вчерашняя студентка, Татьяна Михайловна всегда вставала на защиту учеников, не видя проблемы в их вечных опозданиях.

Вот и сейчас её светлые — то ли зелёные, то ли карие — глаза были широко распахнуты и смотрели на мир с удивительной наивностью.

— Ой, Тамарочка Ивановна, здравствуйте! Я к вам с новостями! — я лишь машинально поздоровалась, а девичий голосок всюду звенел по кабинету, пока его владелица нервно теребила светлую косу. — У нас новенький в классе. Вадичка Петровский.

— Вадичка! — она внезапно повысила голос, чтобы позвать новенького, а в моих ушах аж зазвенело. Удивительно

пронзительный тембр. Отец на днях смотрел какое-то музыкальное шоу про детей, вот там девочка с таким точно тоном пела частушки народные: когда визжат так, что аж плафоны лопаются.

Из недр восьмого «Б» к нам выбрался «Вадичка». Скорее целый «Вадимище»: в свои лет четырнадцать ростом он был с взрослого мужика, имел спортивную фигуру, смазливую внешность и наглоющий взгляд. Не хватало только вывески на лбу: «Я — ходячая проблема».

— Вот, знакомьтесь. Это Вадим Петровский, он к нам приехал из Новоозёрска по семейным обстоятельствам. А это Тамара Ивановна, она у нас ведёт русский язык и литературу. — Энтузиазм молодой физички не угас ни после моего скептического взгляда, ни после грубого ученического: «Здрасьте».

— Ты беги-беги, Вадечка, готовься к уроку, — милостиво отпускает парня классная руководительница. А потом, понизив голос, заговорщически шепчет: — Тамарочка Ивановна, выйдем на минутку в коридор. Пошептаться надо.

Я обречённо вздыхаю.

— Добрый день, дражайший восьмой «Б». Готовимся к уроку: открываем тетради, записываем число, классную работу и повторяем домашнее правило. Вернусь, самые храбрые пойдут к доске отрабатывать. — Озадачиваю класс и выхожу в коридор следом за Татьяной Михайловной.

Дверь предусмотрительно оставляю приоткрытой, жеста-

ми на выходе показав «милым» и «невинным» восьмиклассникам, что слежу за ними.

— Тамара Ивановна, тут такое дело... — всё так же шёпотом продолжает молодой педагог. — Петровский к нам пришёл по протекции самого Устюгова. Сами понимаете, директор просто так никого пристраивать не будет. Блатной он. Вы это... ну... сквозь пальцы смотрите на его поведение. Вы же... принципиальная — я это, бесспорно, уважаю. Восхищаюсь вами. Не каждый учитель сможет так отстаивать дисциплину и требовать выполнения заданий. Но тут... сами понимаете. А если конфликт с родителями? Кто вас защитит? Тут же директор явно будет на стороне своих приятелей.

Мне неудержимо хотелось пофейспалмить. Прямо как наши ученики. аже других слов нет. Вот откуда это всё в столь юном создании? Надо молодому поколению мозги на место ставить.

Я верю, что Устюгов помог пристроить ученика в класс, но два месяца работы с ним показали, что он не будет подставлять учителей. За дисциплину держится крепче многих педагогов. Какими бы влиятельными ни были родители — команду «растерзать учителя» он не отдаст. Вон как перед каникулами на Асю взъелись? А он взял и отстоял.

Мысли мгновенно проносятся в голове, а класс за спиной уже начинает бушевать. Я шикаю через плечо, но работает это слабо. Ладно, нажалуюсь Илоне, пусть воспитывает мо-

лодѣжь. Смотреть сквозь пальцы на дисциплину на русском? Уже бегу, теряя тапки.

— Спасибо, что предупредили, Татьяна Михайловна, — говорю вслух. — Я учту информацию, не переживайте. А сейчас пойду к детям, пока у меня там хотя бы стены от кабинета остались.

— Да-да, конечно-конечно! Надеюсь, что у нас всё пройдёт гладко! — как болванчик кивает физичка и, поправив свой винтажный пиджак, уносится прочь.

Вернувшись в кабинет, понимаю: надеждам молодой коллеги не суждено сбыться. Новенький поставил школьный стул сверху на последнюю парту, уселся на него сам и теперь с высоты своего немалого роста взирает на класс, как Нерон на пылающий Рим.

Жорик — негласный лидер восьмого «Б» — был уже в секунде от драки. Его взгляд наливался яростью на глазах, а руки сжимались в кулаки. Габаритами он не сильно уступает новенькому — разве что чуть ниже и коренастее. Если рванёт, то, чтобы разнять эту парочку, понадобится гидрант с ледяной водой. Растущий тестостерон в этом возрасте напроць отключает чувство самосохранения.

— Молодые люди, вы урок перепутали? — говорю невозмутимо, демонстративно игнорируя накалённую атмосферу в кабинете.

— В смысле? — тянет сквозь зубы Карасик. Карасёв Денис, правая рука местного вожака стаи.

— Я даже не знаю. У Вадима, я так понимаю, интегрированный урок труда с историей? Он решил изобразить из себя римского императора, а потом убрать за собой и починить парту и стул. Впрочем, я не откажусь и от новых, если родители Петровского оплатят их.

Моя холодная и ровная реакция заставляет пацана менять цвет лица по три раза. Он в ужасе смотрит на парту, на меня, на камеру над моей головой — и понимает: вину свалить не получится. Молча снимает стул, сверкает глазами на меня и на Жорика и плюхается за парту. Школьными принадлежностями на парте и не пахнет.

— А Жорик, похоже, поторопился с уроками. Физкультура у вас, если мне не изменяет память, после русского. Вот там и спустите лишнюю энергию, — продолжаю я всё так же ровно, игнорируя перформанс со стороны новенького.

— Ну чё, Жорик? Чё, Жорик, Тамар Ванна? Я ничего не сделал, даже! — бухтит ученик, усаживается на место, расслабляется, но продолжает бросать ненавидящие взгляды на Вадима.

Ох, чувствую, уроки в этом классе заиграют для меня новыми красками.

Плохой день.

Однозначно плохой день.

Глава 2

«Еж, жаба и ласточки помогают садовнику поедать насекомых».

(Из школьных сочинений. Просторы интернета)

Музыка: «Мальчик на девятке» (DEAD BLONDE)

Звонок завершает очередную часть укрощения строптивого. Все уроки в 8 «Б» за последнее время превратились в нечто среднее между приручением дикого мустанга и выступлениями на арене цирка. Шапито. Для дошколят.

— Дома доделываем рабочие листы. На случай, если вы их потеряете, забудете или подлые воришки позарятся на кладёзь знаний, в электронном дневнике прикреплён файл. Если дневник не работает, в чате с классным руководителем тоже есть. У кого нет принтера — пишите от руки. Всем хороших выходных, до встречи в понедельник, — тараторю, пока дети собираются.

Задать домашнее задание в основной школе — это как обыграть мошенника в напёрстки: ты должен заранее предугадать все хитрости учеников. В этом есть даже определённая доля азарта: ведь ухищрения ребят заставляют педагогов двигаться вперёд. Я обычно люблю поиграть в эти кошки-мышки. Кого-то злит, а во мне же просыпается профессиональный кураж, и к концу учебного года мой методиче-

ский багаж существенно пополняется.

К сожалению, не в этом классе. Ребята и в начальной школе, и в основной попали на молодых классных руководителей — как итог, дисциплины никакой, мотивация к обучению перешла через минусовой рубеж. Приход новенького превратил шибутной класс в филиал психушки на выезде. Сегодня устраивать разборы полётов некогда. Мои семиклассники сейчас в столовой, и, хотя в общем и целом они у меня пока беспроблемные, бывает по-разному. Бросать их на произвол нельзя: моргнуть не успеешь, как тоже превратятся в ясельную группу.

Будто в подтверждение моих мыслей, первое, что вижу, заходя в столовую, как моя умничка и отличница Танечка выворачивает руку и впрессовывает в колонну хулигана Кириюшу. Делает всё сноровисто и с той стороны, где не видит дежурный учитель.

— Ещё раз ты, скотина длиннорукая, — слышу, подходя ближе, — потянешь свои культяпки к моему лифчику, я тебе глаз на жопу натяну и в морской узел вместе с руками там за... Ой, здравствуйте, Тамара Ванна.

Танечка стремительно краснеет и отпускает не менее красного Кирилла. Тот пыхтит, хочет ответить обидчице, но натывается на мой взгляд и только полыхает глазами.

Татьяна — моя надежда и опора класса: городские олимпиады выигрывает, по гранту в спортшколу прошла, первые места на всех соревнованиях. Терпение у неё спортивное,

безграничное. Вот только семья не самая благополучная, и, если девочку довести, повадки старшего брата-хулигана и отца-алкоголика вылезают мгновенно. Учитывая, где и как они живут, угрозы её — не пустые слова. Может и руки завязать, и глаз натянуть. Кирюша же — шалопай и разгильдяй, с мозгами, но безумной ленью, которой потакает обожающая единственного сына мать.

Подхожу к ним вплотную и говорю так, чтобы слышали только они:

— Я не одобряю ни методы Татьяны, ни её слова, — говорю строгим шёпотом, — но если ты, Кирюша, не успокоишься, не включишь голову и продолжишь доставать девочек, то сделаю вид, что не вижу и не слышу тот самый процесс, который пообещала тебе Татьяна. Будь добр, учись проявлять свою симпатию человеческими методами. Шоколадку подари, портфель помощи донести, а негативное внимание не делает тебя более привлекательным в глазах любой девочки.

Дожидаюсь, пока мои слова дойдут до обоих, и они, краснея и бледнея, стесняясь своих чувств, как шары в боулинге, разлетятся по столовой. Удовлетворённо киваю и иду проверять остальных.

В целом обед проходит без дополнительных казусов. Поели, посуду убрали, ничего не расколотили, никого не убили — день прошёл удачно. Перемена близится к концу, столовая постепенно пустеет, а я проверяю за своими детишками. Ничего не забыли? Рюкзак, пенал, одежду, чьи-то мозги?

Неожиданно мне в спину прилетает увесистый толчок, от которого я лечу слегка вперёд и больно ударяюсь ногой об уголок стола. В соседний стол влетает до боли знакомая фигура. Оборачиваюсь, не обращая внимания на боль в ноге.

Грозно сдвинув брови, на Петровского идут два одиннадцатиклассника: Ромка Быстров и Федька Широков. От мальчишек несёт тестостероном и агрессией. Вадим от них не отстаёт: быстро вскидывается на ноги и набычивается. Невольно сравниваю габариты мальчишек. Обычно, когда одиннадцатиклассники прессуют восьмиклашек, те знатно проигрывают им в телосложении. Выглядит, будто слон шпыняет моську. А тут всё на равных. Все трое высоченные, спортивные, подтянутые. Вадику разве что мясца на костях не хватает. Сокрушённо качаю головой. *Вот что за гены у нынешней молодёжи? Кто там папа у Петровского? Медведь-гризли?*

— Тамара Иванна, извините! — сбрасывает напор Федька, когда замечает меня. — Малышню воспитываем.

Пацаны виновато улыбаются, делая морды невинных котиков. Если бы знала их первый год, может, и повелась бы.

— А вы долги мне по литературе принесли, воспитатели доморощенные? — ехидно поднимаю бровь. Оба из-за занятости на городских мероприятиях не сдали мне по два сочинения и тянут уже которую неделю. Я не тороплю обычно, но если напомнила, значит, оценки там всё-таки появятся.

— А, ой! — забавно чешет макушку Ромка.

— Всё будет! — бойкий Федька подхватывает друга и сваливает из столовой, пока я не вспомнила про самостоятельную по русскому, которую им тоже надо переписать.

— Вот вам чё больше всех надо? — взрывается Петровский, когда одиннадцатиклассники уходят из столовой, не забыв напоследок одарить Вадима предупреждающими взглядами.

— Не «чё», а «что»! Может, и больше всех, но я точно не хочу, чтобы два отличных парня с головой и будущим влетели в неприятности из-за зарвавшегося мальчишки! — безжалостно припечатываю, глядя в глаза этому акселерату. Голову приходится задирать. Что ж с ним будет к выпускному классу?

— Почему это я зарвавшийся? — полыхает возмущением.

— Мало тебе разброда в собственном классе, ты ещё и на старшеклассников нарываешься! — отчитываю его, как шкодного котёнка. Голос не повышаю, но слова рублю строго, резко. Представляю, как это смешно смотрится со стороны. Просто ходячий интернет-мем. — Отстань от Лизы Ива­ницкой! Не порти жизнь ни себе, ни ребятам.

На миг с лица мальчишки слетает маска самоуверенного оболтуса, и он становится обычным четырнадцатилетним парнем, но быстро берёт себя в руки и продолжает крыситься на меня.

— Какое вам дело? Может, у меня любовь?

— Может, и любовь, — качаю головой. — Вот только у

Лизы тоже любовь. У неё есть парень.

— Не стенка! Подвинется! — дерзит.

На губах у парня растягивается такая гадкая, противная ухмылка. Она абсолютно ему не подходит, делает из него какого-то юного монстра. Я вижу за всей этой бравадой и шипами раненого парня, но вот этот взгляд... Если сейчас его родители прозевают, то это его будущее.

— Парень Лизы старше её на два года, они встречаются с пятого класса, — голос мой твёрд и непреклонен, я будто вбиваю эти слова в непутёвую голову мальчишки. — Она собирается поступать к нему в университет, а летом, после её совершеннолетия, у них свадьба. Семьи знакомы, все праздники отмечают вместе. Ты что там двигать собрался? У тебя вот такая любовь? Бороться за любовь — это достойный поступок для настоящего мужчины, вот только в том случае, когда это искренние чувства. Готов тоже ей обещать свадьбу и всю жизнь вместе? Готов в дом к маме с папой привести невесту и вместе с ней проблемы решать? Или же это просто азарт? Красивая недоступная девочка? Социальные предрассудки? Соперники? Борьба ради трофея, который потом окажется ненужным? И если кубок можно поставить на полочку, и он там будет пылиться, то что ты будешь делать с живым человеком? С чувствами Лизы?

— В смысле свадьба? — удивлённо хлопает глазами, будто пропустив мимо ушей половину моей пламенной речи.

— Обычная свадьба. С белым платьем, голубярами, карава-

ем и благословением родителей. — Невольно улыбаюсь. Я знаю парня Лизы. Они невероятная пара, на их долю досталось разных испытаний, но сейчас всё хорошо, и свадьбу их ждут все, кто хоть как-то знаком с этой историей.

— Да как... А эти? — машет головой, и его модная чёлка взлетает вверх, распадаясь в беспорядке.

— Ромка и Федька дружат и с Лизой, и с её женихом. Приглядывают за ней. Гоняют вот таких шалопаев, как ты, — ловлю момент и не сдерживаюсь, чтобы не продолжить читать морали. — Прекрати влезать в неприятности и возьми уже за учёбу, Вадим. Все эти разборки авторитета тебе не прибавят.

Окидываю взглядом столовую: скоро уже прозвенит звонок, и, кроме пары зазевавшихся пятиклашек, остались только учителя, обедающие за отдельным столом. Евгеша, наша учительница физкультуры и моя подруга, машет рукой, приглашая за стол, но я лишь отрицательно качаю головой. Следующий урок у меня «окно», успею перекусить. Подруга бросает на меня удивлённый взгляд, но не влезает. Воспитательный процесс — он такой, может настичь в любой момент.

— А быть заучкой типа прибавит? Чё вы мне мозги полощите? — Переход от шока до агрессии у мальчишки — три секунды. За мои короткие переглядывания с коллегой он успел войти обратно в режим эмоционального берсерка. Даже интересно, что так разнесло его нервную систему.

Конечно, четырнадцать лет — сложный возраст, и юношам свойственна определённая психологическая нестабильность в этот период, но здесь что-то другое.

— Не «чё», а «что»! К сожалению, я не знаю, есть ли у тебя что полоскать, — решаю вывести его чуть больше, пусть уже выскажется до конца. — За прошедшую неделю мне так и не удалось с ними познакомиться.

— Да вы! — не подводит меня Петровский, выходя из себя окончательно. — В сердобольную играете, да? Как эти... Типа матери нет, стану ему заменой?

Тут уже вся краска слетает с моего лица.

— Что значит «матери нет»? — уточняю дрогнувшим голосом.

— А вы типа не в курсе? — Всё ещё фонтанирует эмоциями Вадим.

— Не в курсе, — отвечаю спокойно. Его эмоциональный всплеск разбивается об это спокойствие. Очевидно, на лице моём ярко отражается моё недоумение, потому что мальчик теряет, ерошит чёлку и поясняет.

— У меня мама месяц назад на машине разбилась. Я думал, классуха вам сказала, ну вот это «пошептаться». Типа вы меня дрючите на уроках, чтоб в тонусе держать. Ну мамы нет, кто-то же должен. У меня так соседка до переезда дома пыталась, да к отцу клинья подбивала, — опять нервно дёргает чёлку, отводя полный боли взгляд.

Мысленно перебираю наиболее ёмкие выражения из моей

первой курсовой работы. Сейчас именно тот случай. Что-то не так с нашими молодыми коллегами. Сказать мне, что он «блатной», Татьяна Михайловна смогла, а вот о том, что парень мать потерял, — нет. Где-то глубоко внутри полыхает гнев: и на молодую коллегу — за безалаберность, и на себя — за профессиональную чёрствость, и за личную сердобольность. Внутренний конфликт быстро утихает, профессионал во мне побеждает, хотя и даётся ему нелегко. Собственные демоны не спят в душе.

— Прости. Я на самом деле не знала, — стараюсь держать голос ровным, но личные эмоции тут прорываются. Мне по-настоящему больно за этого мальчика. — Я искренне сочувствую твоему горю. Это не пустые слова. Я знаю, о чём говорю.

Вадим вскидывает на меня недоверчивый взгляд, но я не прячу лица, на пару секунд выпуская внутреннее из глубин сердца. Я знаю, что такое терять маму. Любимую и единственную мамочку. Судорожно вздыхаю, загоняя обратно излишние сейчас эмоции.

— Отстанете от меня теперь? — с надеждой спрашивает Петровский, опять пряча за бравадой свою боль: мальчики же у нас не плачут.

— Нет, — ехидно хмыкаю. — Ничего не изменилось для меня.

— В смысле? — Вот сейчас он искренне удивляется. — Вы же сами сказали, что сочувствуете?

— Моё сочувствие за тебя экзамены потом не сдаст, на работу не выйдет и разговаривать за тебя не будет, — улыбаюсь мягко.

— Ну вот чё вы? Сложно что ли, как всем, забыть? Даже классуха не дёргает. Только вы с математичкой всё успокоиться не можете! — ещё чуть-чуть, и обиженный мальчик ножкой затопает.

— Не «чё», а «что»! Просто у всех остальных есть шанс, что ты выберешь потом другие экзамены, а нам с Софьей Петровной в любом случае разгребать. И это я молчу о ненужных тебе «моралях» про нужность и важность этих предметов в жизни, — ёрничаю, снимая градус разговора.

— Вот вы... идейная! — выплёвывает последнее слово как ругательство. — И чё сделаете?

— Не «чё», а «что». Если ты и дальше так будешь вести себя, придётся познакомиться с твоим отцом. Раз мы с классным руководителем не справляемся, нам понадобится его вмешательство в ситуацию, — пожимаю плечами. — Ваш класс, к несчастью, не столь силён, чтобы потеря целой темы безболезненно прошла для результатов учёбы. И если ты гробишь себя, то это твоё право, конечно, но подводить всех недопустимо.

— П-ф-ф-... — смеётся подросток. — Мой батя не придёт. Ему пофиг на мою учёбу.

— Значит, я приду к вам, — опять пожимаю плечами. Когда-то ходить по домам учеников было обязательно для всех

классных руководителей, но и сейчас такая практика присутствует.

— А его и там не бывает. Вечно на работе своей, — в последних словах так и полыхает детская обида.

Сочувственно смотрю на парня. Вымахал огромный детина, а в душе ещё ребёнок. Мы часто ошибаемся, принимая и восьмой, и девятый класс за взрослых. А у них из взрослого только паспорт да шалящие гормоны. Маленького одинокого мальчика в Петровском ровно столько же, сколько и дерзкого хулигана.

— Значит, на работу приду, — равнодушно парирую, рассуждая о судьбе Вадима. Его бы к Инне на терапию, но ведь наверняка не будет ходить. Не «пацанское» же дело.

— Чё, прям в ментовку? — забавно округляет глаза, наконец становясь похожим на обычного восьмиклассника.

— Не «чё», а «что». И если надо будет, то и в полицию приду.

К пользе Вадика, но к моему личному несчастью, в полицию идти не пришлось. На мой звонок старший Петровский ответил и в школу пришёл...

Глава 3

«Двадцать лет боги мешали Одиссею вернуться домой из-под стен Трои. Во всяком случае, так он объяснял жене.»

(Из школьных сочинений. Просторы интернета)

Музыка: «Прорвёмся! Опера`» (RADIO ТАРОК или ЛЮ-БЭ),

«Я свободен» (Кипелов)

Макс. *За несколько недель до 2 главы*

Машу рукой другу и грузюсь в машину. Что-то как-то хорошо мы посидели. Давненько так не расслаблялся. Да и вопрос со школой для малого закрыл. Димон — нормальный мужик, присмотрит за пацаном. Опять же охрана у них в школе не чета остальным.

— Товарищ полковник, вас домой? — уточняет Артур, как и его друг Васька — новенькие в нашем отделе.

Я этих пацанов из Новоозёрска перетащил. Надо растить кадры, а туда отправил знакомых «пенсионеров», которым до выслуги надо доработать, а операция под прикрытием закончилась. Вот такая вот ротация. Что-то я совсем пьян, как фортепьяно, прям. Горько усмехаюсь.

— Товарищ полковник? — настойчиво зовёт лейтенант.

— Максим Маркович?

— Да, Артур, домой, — устало тру лицо. Вымотался, как

гад. Начинаю плавно уплывать в свои мысли: они сегодня, сдобренные сорокоградусным допингом, неспешны и изменчивы.

— Товарищ полковник, разрешите вопрос? — вторгается в мои плавные мысли голос моего сегодняшнего водителя.

— Разрешаю, — даже интересно, что молодёжь узнать хочет.

— Почему «падаваны»? — хмыкаю, вспоминая молодость.

— Да не почему, собственно. — Ловлю обиженный взгляд парня и всё-таки поясняю. — Ну не было такого, что вот буду именовать коллег падаванами или там учеников набираю. Просто выиграл в карты сотрудника себе в напарники. Сопливый лейтенант обыграл майора в карты и с дуру, спьяну, ляпнул пацану: «Смотри и учись, падаван». Так и пошло: весь молодняк под моим руководством называют падаванами.

— Эм... В смысле выиграла в карты напарника? — о, моя любимая степень удивления, когда челюсть ещё не пробила днище машины, но уже стремится к этому. Опять горько хмыкаю.

— Полиция сейчас и милиция, в которую когда-то пришёл работать я, — это очень разные организации. После завершения спортивной карьеры перевёлся сюда и тоже был вот с таким лицом, как ты сейчас. Тогда только-только стали наводить порядок в органах. Звездапады были регулярны и

фееричны, но... Ну, на местах все всегда думали, что царь далеко, а своя шапка ближе к телу.

— В смысле? — не понимает меня молодой парень. Счастливое поколение. Они тогда ещё пешком под стол ходили и не застали всех приключений взрослых.

— На местах каждый, наделённый властью, считал, что вот он-то самый умный и его прижать не за что. Нашли и прижали всех, ну или почти всех, но не сразу. Видишь... Мы хоть и граница, но далеко не самая проблемная. — Вопросы парня разбередили душу, и меня унесло в былые годы — аж пулевое на боку заныло вместе с рёбрами. — Понимаешь же, что тогда порядок на юге надо было навести, в столицах, промышленных центрах, где добыча полезных ископаемых, а мы так, по остаточному принципу. В общем, закон в его сегодняшнем значении слишком поздно пришёл сюда. Да. К чему я это?

— Как напарника в карты выиграли, — напоминает Артур.

— Ну так вот, здесь хватало отбитых. Тогдашний начальник второго отдела УГРО был редкостный мерзавец. Я таких в своей жизни мало встречал, хотя дерьма хватало. Он лейтенантика молоденького, только после универа, назначил себе помощником. Тот ему ноги мыл, бумагу в туалет приносил, да девок гулящих на работу возил. А парень уйти не мог: мать больная, сын — милиционер, гордость, да и деньги платить уже начали. Терпел. Зубы сжал и терпел. А тут я,

тоже лётёха, перевёлся по протекции, борзый. — Хмыкаю, потереть сразу хочется половину шрамов, тогда и заработанных. Вот отбитый же был. — Меня перевели во второй отдел. У нас начальником был Огородин.

— Министр наш? — удивлённо перебивает Артур.

— Ну, это сейчас он — министр внутренних дел области, а тогда был начотдела. Даже ниже, чем я сейчас, по должности и званию. Майором он был тогда. Очень крутой мужик. Я до сих пор благодарен, что попал именно к нему. Вот кто реально и учил, и сопли подтирал, и спину прикрывал. — Накатывает ностальгия по тем временам. Пока в области не навели порядок, было очень... весело. На законность доказательств смотрели не так, как сейчас, методы у нас тоже были весьма далёкие от гуманных, вопросы «по понятиям» закрывали чаще, чем по обвинительному приговору.

— Отмечали мы День милиции, «большие звёзды» сели в карты играть. На деньги играть было «западло», играли на желание, услугу. Тогда много чего так решали. А нам, лётёхам, конечно, доставалось, но тому, конечно... — сжимаю и разжимаю свои кулаки. До сих пор не знаю, как сдержался и не втащил этому гадкому типу. — Короче, забрало у меня упало, и я на спор обыграл майоров. В качестве желания попросил пацана себе в напарники, ну и на кураже брякнул.

— Охренеть... — выдыхает Артур. — Ой... Простите, товарищ полковник.

— Да забей, тут и не так выскажешься. — Открываю окно

и задумчиво курю. Молодой был, без тормозов вообще, фартовый, самоуверенный. И как меня только Алексей Николаевич не прибил. Выпускаю медленно дым в ночное небо.

— Товарищ полковник, но это ж один случай. Не могло ж так привязаться? — спустя пару минут не выдерживает тишины лейтенант. Дотошный, внимательный... Хороший опер вырастет.

— А потом ещё одного под личную ответственность я забрал из положенного пятого отдела. — Прикрываю глаза, наслаждаюсь шумом в голове. Хо-ро-шо. Потрясающее чувство расслабления. Как давно его не было! Даже разбуженная лётёхой ностальгия не отвлекет.

— Это Сиротин, что ли? Выживший в нападении на отдел полиции? — Артур всё не уgomонится. Хотя матчасть знает неплохо. Молодец.

— Сиротин-Сиротин. Его тогда все обвиняли в предательстве. Мол, не мог он выжить, если в сговоре не был. — Первая сигарета закончилась, достаю вторую. Кручу в руках и раздумываю: курить или нет?

— А вы не верили? — подозрительно щурится, отвлекаясь от дороги и оглядывая меня цепким взглядом.

Радует меня молодёжь нынче: идейных становится больше, появляются толковые, а значит, можно и в кабинет, наконец, засесть. Впрочем, моя должность начальника Уголовного розыска тоже не особо подразумевает поля... Только не всё так просто. Звание мне присвоили ещё весной, а вот

бумажки о назначении выше придерживают. А это значит? А это значит, что не всё так просто в датском королевстве. Прикуриваю всё-таки и вторую сигарету.

— Товарищ полковник? — зовёт лейтенант, а я, по ходу, опять в себя провалился.

— А мы, Харитонов, с товарищем майором, как хорошие опера, просто знали немного больше остальных. Вот только говорить я тебе этого не буду. Потому что Сиротин уже давно не зашуганный младший лейтенант с соплями до полу. Он теперь, на минуточку, замминистра, и нашу с тобой задницу прикроет в случае чего.

Артур крикает от удивления и замолкает. Не ожидал, что осажу. А потому что не надо никому знать, что в пятом отделе работала парочка моральных уродов, которые гнобили пацана и заперли его в глухой кладовке. Мы с Огородиным и вытащили испуганного до чёртиков пацана, по сути, из шкафа. Нападение было демонстративным: бандюки очень не хотели, чтобы менты власть забирали, и ребята из отдела умерли героями, до последнего патрона защищая честь мундира. А то, что среди них затесались такие козлы... Бог им судья. К тому же следствие тогда нарыло, что именно они стучали местной ОПГ. Вот так. Собакам — собачья смерть. А Сиротин оказался мужиком: не озлобился, не скурвился, пережил ситуацию, закалился и стал отличным офицером.

Машина тормозит во дворе дома. Смотрю я на Инну и Диму и понимаю, что пора думать о доме, но пока было проще с

квартирой. Вот только знатный шум в двенадцатом часу ночи говорит, что спокойная жизнь моя закончилась. Протираю опять рукой лицо, стряхивая сонливость. Хочется прийти домой и тупо вырубиться, вот только хрен там был.

— Это у вас, что ли? — вытягивает вперед шею и вглядывается в окна высотки Артур.

— У меня... — обречённо выдыхаю, заслушиваясь классикой.

Надо мною тишина, небо полное огня

Свет проходит сквозь меня, и я свободен вновь

Я свободен от любви, от вражды и от молвы

От предсказанной судьбы и от земных оков, от зла и от добра

Стереосистема голосит голосом Кипелова так, что слышит весь двор. Вот же паршивец. Хоть вкус в музыке есть. Если б тут какой рэп орал, наверное, реально выпорол бы.

— Свободен, — отпускаю лейтенанта. — Отсыпайся. На дежурство Ваську оставь, если что срочное — пусть звонит сразу.

— Так точно! — отбивает Артур, открывает рот, чтобы что-то добавить, но не решается. Оно и к лучшему. Вечерок перестал быть томным, больше покоя у меня точно не будет.

Глава 4

«В результате из Тихона вырос не мужчина, а самый настоящий овца.»

(Из школьных сочинений. Просторы интернета)

Музыка: «Я свободен» (Кипелов)

Макс

Стоит мне выйти из лифта, как меня встречает старушка — божий одуванчик, Вера Вячеславовна. Глядя на эти полтора метра старушечьей милоты, никогда не подумаешь, что перед тобой почти легендарный следак. В своё время эта милая барышня с нежной улыбкой колола отъявленных беспредельщиков и раскрывала, казалось бы, абсолютные висяки.

— Вечер добрый, Вера Вячеславовна! — галантно целую сухую морщинистую руку.

— Да какой же он добрый, Максюша! — возмущается с грацией истинной леди.

Действительно, на площадке музыка орёт так, что стены вибрируют. Не понимаю, как мне ещё не позвонили. Дом-то в основном ведомственный, тут живут вот такие ветераны, пенсионеры и их родня.

— Вы же говорили, что легко находите язык с детьми? — не могу удержаться от шпильки.

— Так-то с детьми, а у тебя там юный демонёнок. С та-

кими общий язык не находят, только пороть, — ехидничает старушка. Так и представляю её с берёзовыми розгами.

— Кстати, не в службу, а в дружбу. Приглядите за демонёнком-то? Его, конечно, ребята проконтролируют, но уроки-то они с ним вряд ли сделают. — Всячески изображаю несчастный вид, хотя особо даже стараться не надо. Последние недели уж сильно изматывающими оказались.

— Прости, Максюш, не смогу. Я тут на недельку-другую в больничку. — Виновато разводит руками.

— Что-то серьёзное? — тут же становлюсь встревоженным.

— Есть такая болезнь, называется старость, — улыбается своей мягкой женственной улыбкой. Даже сейчас, в свои почти семьдесят, она очень женственная. Сколько мужских сердец разбила по молодости — даже представить страшно. — А вот когда выпишусь...

— Возьмётесь? — не скрываю надежды в голосе.

— А пороть можно? — хитро щурится.

— Пороть? — мысленно сравниваю габариты сыночка, который уже сейчас почти метр восемьдесят и весит как молодой телёнок. — А справитесь?

— Ты меня не обижай, Максюш. И не с такими справлялась! — И так заливисто смеётся, что я невольно вторю.

— Конечно, можно пороть! Всё на ваше усмотрение! — говорю с улыбкой, открываю щиток и вырубаю свет в собственной квартире. На мир опускается блаженная тишина,

которая нарушается воплем соседа сверху.

— Петровский! Только из уважения к тебе я не взгрел пацана! — орёт взбешённый начследствия, свешиваясь с перил. — Если концерт повторится, воспитательные меры возьму на себя! — Добро, Сергеич! — машу рукой.

Тут распахивается дверь в мою квартиру, и вылетает взъерошенный отпрыск, глаза которого полыхают демонячьим бешенством. Ох, права Вера Вячеславовна. Ох, права.

— Какого... — начинает орать, потряхивая своей модной чёлкой, но видит скульптурную картину «Гора и старушка» и затыкается.

— Ну, здравствуй, сын! — устало улыбаюсь. — Пойдём, буду применять к тебе советы коллег по воспитанию.

Засовываю наглуую морду в квартиру, вежливо прощаюсь с соседкой, заодно пишу в домовый чат, что с меня магарыч за терпение.

— Явился, па-поч-ка! — издевательским тоном тянет пришедший в себя Вадим. Очевидно, решил, что лучшая тактика — это нападение. — Вспомнил, что у тебя сын есть? Или я для тебя только обуза?

Проходим в гостиную, где стоит стереосистема и телек с игровой приставкой. В свои редкие выходные я иногда позволяю себе просто залипать в тупейшие игрушки и ни о чём не думать. Рыбалка, конечно, лучше, но не всегда есть возможность свалить из города без последствий.

Так вот, даже в такие выходные я не устраиваю такой срач,

как сын за день. Полдня... Я заезжал в обед, и вот этой горы фастфуда, размазанного по ковру, точно не было.

Как же не хочется ругаться. Устало сажусь на диван и откидываю голову на спинку.

— Я, если что, ездил тебя в школу устраивать, — отвечаю спокойно. Странное дело: как выстроить диалог с отмором в отходняке — знаю, как продавить очередного дорого-богато бизнесмена — понимаю, а вот как выстроить разговор с собственным сыном — не понимаю.

— А я что, вещь какая-то, чтобы меня устраивать? — бычится откровенно, нарываясь на скандал.

— Нет, ты просто подросток с несколькими приводами, которые удачно прикрыты мной, и мечтой стать боксёром. У тебя уже возраст, а значит, ты хочешь в сборную к Джанаеву. А Давид Русланович с улицы не берёт. Ему нужны умные спортсмены, а не груши для битья, — я устал, у меня нет никакого желания ругаться, поэтому просто монотонно перечисляю факты. — Плюс теперь все в городе знают, чей ты сын, а значит, твоя безопасность тоже в приоритете. Школ, которые дадут и знания, и безопасность, и адекватное отношение к твоим закидонам, немного. Так что да, тебя надо именно пристраивать.

— А что, сразу к Джанаеву слабо пристроить? Связей не хватает? — моё спокойствие только больше драконит сына, и он, как та блоха с гордым именем «терьер», не знает, за что цапнуть.

— Джанаеву вообще всё равно, кто чей папа, мама, внук, сын или сват. Он берёт только за талант, — говорю очевидное. К этому тренеру едут со всей страны, там есть единственный блат — талант. — В другой клуб я тебя тоже записал. Тренировки через день. Расписание скинул на телефон. В школу тебя возят мои ребята, клуб там рядом — идёшь пешком. Приходишь — отписываешься мне, тренировка закончилась — отписываешься мне. Домой, если ребята не везут, — значит, тоже пишешь. Комендантский час — 21:00, после этого тебя быть на улице не должно.

— А кровать под уголком не заправить? — плюётся ядом.

Гляжу на него и будто в машину времени попал. Один в один я лет в пятнадцать. Те же эмоции, тот же гонор, та же порывистость. Это сейчас меня знакомые «ментярой бесчувственным» называют, а тогда такой же фонтан тестостерона был.

— Возражать не буду, это твоё право. Для меня главное, чтобы квартиру в хлев не превратил, — обвожу широким жестом засранную комнату. В свете уличных фонарей это выглядит особенно стрёмно, потому что автомат я так и не включил. Впрочем, пофиг. Телефон на банке заряжается, а остальное — ерунда. Утром включу. Сил нет даже до спальни дойти. Прямо чувствую, что, несмотря на зарождающийся скандал со стороны сына, меня просто вырубает. Усталость и алкоголь берут своё.

— Я что, тебе пятиклашка какой-то? До школы дошёл —

позвони! Домой пришёл — напиши! Мне четырнадцать! Я имею право на личную жизнь! — от моего отстранённого вида сына взрывает, и он просто орёт. Нервно стряхивает рукой чёлку и сжимает кулаки.

Собираю себя в кучу, подаюсь вперёд, чтобы лучше видел меня и понимал. Объясняю расклады на пальцах.

— Вопросов нет. Имеешь. Но есть нюансы. Смотри, какое дело: в Новоозёрске ты был простым пацаном. Здесь ты — сын Макса Петровского. Каким бы ментом ты меня ни считал, но в городе есть сотни людей, у которых есть зуб на меня. Посадил сына, мужа, брата. Подозревал. Обокрал. Да всё что угодно. Ты — идеальный инструмент давления, — говорю, как есть, не вижу смысла сюсюкать и в сладкую попку целовать. Он пацан. Пацан, который видит своё будущее в спорте, значит, сопли должен подобрать. — Поэтому я ВСЕГДА должен знать, где ты. Либо ты сам добровольно мне сообщашь, либо при первом же косяке я нахожу тебя, и с мигалками тебя привозят в КПЗ для прояснения мозгов. На второй раз не поймёшь — будешь кататься везде на весёлой машинке с мигалками. Авторитет среди пацанов будет просто невероятный.

— Ты... ты... Да я пойду в прокуратуру! Это превышение полномочий! Ты не можешь! — Сын мечется по комнате, сшибая всё на своём пути. Взъерошенный, взвинченный, уже почти не контролирует себя. — В СБ пойду!

Лезу в задний карман джинсов, откуда достаю портмоне

и оттуда — визитку.

— На. Звони. Это номер СБ, — протягиваю сыну кусок картона. — Только имей в виду, что у меня сохранена бумажка с диагнозом «бродяжничество», который тебе поставили, когда ты в двенадцать лет раз в неделю сбегал из дома матери. Мне, конечно, ничего хорошего не скажут на работе, но и наказывать не будут. Тревожный отец после горя в семье переживает за сына...

— Ты-ы-ы! — вопит. — Да лучше уж совсем без отца, чем ты, чурбан бесчувственный!

Вадим вылетает из комнаты, громко хлопнув дверью, а я сползаю по спинке дивана вниз, устраиваясь удобнее. Есть мифический шанс поспать до утра.

Бесчувственный? Не. Просто немного на паузу сейчас поставленный. Слегка.

Надежды на шестичасовой сон разбиваются о серые будни полиции, когда в два часа ночи звонит Василий и рапортует в трубку:

— Вооружённое нападение, элитный посёлок. Все мертвы.

От новостей глаза распахиваются, будто в них кофе плеснули.

— Сколько? — спрашиваю сиплым со сна голосом.

— Считаем. Хозяева — точно, охрана, персонал. Пока не нашли детей, но соседи говорят, что они уже неделю в каком-то лагере отдыхают или учатся.

Слушаю отчёт лейтенанта и собираюсь. Проверяю карманы: ключи, телефон, кошелёк, корочки. Табельное — в сейфе на работе.

— Понял, машину за мной послали? — отключаю эмоции окончательно.

— Так точно. Артур уже ждёт внизу.

Сбрасываю вызов и собираюсь дальше. Иду в ванную, умываюсь наскоро, с силой расправляя лицо. В коридоре нахожу заначку сигарет. Мысли уже там. Дело громкое, сейчас только ленивый не пройдёт по нам. А мы что? Мы в шоке. Такого беспредела лет пять не было. Ладно, работаем.

Перед выходом торможу. Заглядываю в комнату сына. Тот спит поверх покрывала, совсем по-детски подогнув ноги. Чёрт. Как же я не привык к семье-то...

Глава 5

«Груиницкий тщательно целил в лоб, пуля оцарапала колено.»

(Из школьных сочинений. Просторы интернета).

Музыка: «Что такое осень» (ДДТ)

Макс

— Нагнёт, не нагнёт, на хер пошлёт, к сердцу прижмёт...

— под мой молчаливый угар гадает по ступенькам Министерства внутренних дел следак, с которым мы ведём дело.

— Кошак, ты б завязывал! «К сердцу прижмёт» — нынче подсудное дело! — стебу вполголоса его. А он также тихо угорает, но всё равно считает.

Мурзин — отличный мужик и следователь хороший. Люблю с ним работать: никогда не приходится выяснять, чьи яйца больше. Мы просто делаем своё дело, хорошо делаем. Жаль, не все у нас такие, как он.

У него есть один недостаток — имя. Не знаю я, чем думали его родители, когда называли пацана Леонтием. Леонтий Мурзин — это просто ходячий набор для прозвищ. Кошак — самое безобидное из них. К тому же он это погоняло превосходно оправдывает. В свои сорок Мурзин отлично выглядит, а после гибели семьи не обременяет себя постоянными связями, гуляя, как настоящий мартовский кошак,

и при этом не гадит в родном Управлении.

— Нагнёт! — выдыхает на последней ступеньке, ероша короткие блондинистые волосы с явной проседью. — Ну что ж, не зря в аптеку за вазелином заезжали.

Давим смешки. Это нервное. С нашей работой либо ржать, либо бухать. Не могу сказать, что вторым мы не грешим, но уж точно не тогда, когда каждый встречный начальник мечтает вздёрнуть нас за все выступающие места. А резонансное дело в духе 90-х — отличный повод. За последнюю неделю я спал от силы часов 15, и это с большой натяжкой.

Секретарь в приёмной нашего министра кивает и тут же набирает генерала. Молча кивает на дверь, а мы втихаря подсовываем шоколадку — вкусную, дорогущую и редкую. Она специально для диабетиков. Мало кто знает об особенностях настолько близкого к начальственному телу человека. Секретарь — это же как личная записная книжка. Ближе только жена и любовница. А учитывая, что Огородин — убеждённый семьянин, второй у него нет и не было. Поэтому в его жизни из женщин: жена, дочь и верная секретарша. Хорошие отношения с последней — залог сохранности дополнительных нервных клеток, которые у нас и так мрут в год за три.

— Разрешите? — заглядывает Кошак, и, получив одобрительный кивок, мы заходим.

— Здравия жела... — начинаем хором — за годы службы вбившееся в подкорку приветствие.

— Здорово-здорово, проходите, мужики, — слегка панибратски обрывает нас Алексей Николаевич. Ему можно — не только по званию, но и потому, что мы оба на его глазах и с его лёгкой руки превратились из желторотых летёх в кусючих волкодавов.

— Минуту, закончу и начнём, — кивает нам на стол для переговоров, где мы рассаживаемся под забористый мат генерала.

— ...Ещё раз хоть один особо одарённый из твоих людей влетит в служебное расследование, и я решу, что пенсия уже пришла за тобой! Всё! Это последнее китайское предупреждение! — Огородин рычит так, что стены дрожат, а молодые сотрудники ссутся по углам. Хорошо, что таковых тут нет. Мы же с Мурзиным лишь прячем за ухмылками лыбу. Огородин всегда умел «стимулировать» сотрудников, чтоб те работали качественно. Потому и занимает такую должность. Этот генерал своё место заслужил, как никто.

— Докладывайте, — рубит ещё на эмоциях, грохнув кулаком по столу. Видно, кто-то в области знатно накосячил: в городе последние пару суток таких залётов не было.

— В ночь на 10 ноября был совершён налёт на дом семьи Ретининых. В ходе спланированного нападения были убиты... — начинает Лео, но генерал тут же его перебивает.

— Сводки и протоколы я уже читал, давайте по делу. Новости, версии, без лирики и канцелярии, — говорит уже спокойно, видно, отпустив ситуацию с налажавшими сотрудни-

ками.

Ловлю взгляд Кошака и продолжаю уже я:

— Работа грамотных специалистов, представленная как налёт отморожков в лучших традициях бандитских сериалов. Работали на общественность, чтобы новости разнесли. Потому что нам предельно ясно, что работали профи — без суеты и лишних нервов. Вырубили хорошей глушилкой сигнал в округе, прошли по слепым зонам, без единой осечки положили весь дом и также ушли. По дому двигались уверенно, нашли всех обитателей, включая экономку, у которой комната в жо... в самом дальнем углу дома, — отчитываюсь холодно.

— Из бывших наших? — уточняет Алексей Николаевич, потирая короткую седую бороду, больше похожую на недельную небритость.

Задумчиво провожу по своим щекам: тоже не мешало бы побриться. Похож на неандертальца.

— Спецназ в прошлом, — отвечает Лео, пододвигая тонкую папку генералу. Тот удивлённо гнёт брови, но документы смотрит.

— Наши ребята вычислили их машину, довели до тупика у реки, а вчера рыбаки выловили утопленников с дырками во лбу в реке, ниже по течению, — поясняю. — Водолазы нашли три тела. Опустили их с трудом, но это точно они. В такие совпадения мы не верим.

— То есть кто-то нашёл профи, нанял их на дело, а потом

убрал? Таких спецов? Интересненько... — озвучивает вслух наши мысли. Огромная фигура генерала с трудом помещается в явно дорогом и большом кресле. Оно надсадно скрипит, когда Алексей Николаевич откидывается на спинку. Генерал сцепляет пальцы в замок и начинает соединять-разъединять большие пальцы. Дурацкая привычка — с ним ещё с майорских времён. Огородину так легче думается. Сколько в отделе стульев поломано его тушей, хотя мне ли про это говорить... Сам такой же.

— Очевидно, для заказчиков такие специалисты не проблема, — выражает общую мысль Мурзин.

— Что с детьми? — перескакивает генерал на нашу большую мозоль.

— Ищем. Все знакомые, родня, сотрудники твердят как заведённые про обучающий лагерь, но, конечно, детей там и близко не было, — объясняю ситуацию. — На ноябрьских выходных старшие Ретинины отпустили большую часть сотрудников, включая няnek, и остались с детьми сами. Потом вечером третьего их неожиданно сдёрнули на тусовку к другу — он приехал из-за границы буквально на сутки. Двое младших остались под присмотром старшей, той в марте уже 16 будет. Да и дети не младенцы.

Наши вскрыли переписку. К Вике, старшей девочке, должен был прийти ухажёр. Они договорились, что она вырубит охрану, а он прошмыгнёт в дом. Само собой, никакого пацана там не было. Весёлые дяди в масках тихо вынесли детей

и свалили на незаметных седанах из посёлка. В городе терялись очень грамотно: скрывались в дворах без камер, пересаживались в седаны и выезжали в часы пик — утром, когда на работу, в обед, — когда сложно отследить машины.

— Как вычислили? — уточняет Огородин.

— Глазками, — хмыкаю, потираю собственные глаза. От мелких деталей в глазах уже реально всё плывёт, а капли свои я забыл в машине. — Пацаны сутками отслеживали все камеры, что есть, но вычислить смогли до выезда с города. Их потеряли на трассе. Там камер нет, несколько седанов выехало. А дальше их уже нет. Пацаны ищут зацепки сами, через компы, но почти без шансов. Изначальное направление — к столице, но вообще не факт.

— Что с пацаном? — дотошно копается в деталях генерал.

— Ну, хахалем этим, переписочным у девчонки?

— Ничего. Он сидел преспокойно дома и рубился с друзьями в игры по сети. Его аккаунт тонко взломали. Концов уже не найти, — обрубая ещё одну потенциальную ниточку.

— Так, какие версии? — хмурится генерал: то ли собирая в голове пазл, то ли ему не нравится та картинка, что уже получилась.

— Слышали, что уже лет пять в стране промышляет банда, которая ворует детей непростых родителей? — потирая седую бровь, спрашивает Лео.

— Слы-шал... — тянет Огородин, эмоционально устраиваясь в кресле, отчего то вновь надсадно скрипит.

— Это очень похоже на их работу, — включаюсь я. — Грамотно похитили детей, выкатили требования. Ретинины не заплатили. Уж не знаю, не нашли столько денег или что там хотели похитители, или просто решили завести новых детей, но сделка не состоялась. Ретининых убирают громко и показательно. Так, чтобы об этом говорила каждая собака.

— Показательная казнь? — выгибает, несмотря на возраст, всё ещё чёрную бровь генерал.

— Очень похоже, — киваю, соглашаясь.

— А зачем им тогда дети? Или уже всё? Ищем тела? — на последнем предложении голос Огородина опасно тяжелеет. Похищение детей — триггерная тема для него.

— Если бы они их убрали, мы бы их уже нашли. Тоже было бы показательно. Тут что-то другое, — отвечает Лео, постукивая пальцами по столу.

— Возможно, могут заплатить родители Ретининых. Бабушки-дедушки... Там же полностью золотая семья, — предполагаю я, но тут же продолжаю. — Хотя я склоняюсь к другой версии. Вике, старшей дочери Ретининых, в марте будет шестнадцать. Это подходящий возраст для брака. Добиться согласия или особого положения много ума не надо. Соблюсти формальности особо труда не составит, а те же бабушки-дедушки за жизнь остальных внуков всё подтвердят. А так у них живая, дееспособная наследница. Там и полгода со смерти родителей не пройдёт, и рычагов давления хватает.

От усталости объясняю сумбурно, но, судя по хмурым ли-

цам мужиков, донести мысль получается.

— Твою же мать! — выдыхает Огородин. — Есть шансы её найти до этого?

Неопределённо пожимаю плечами. У меня-то мысли есть, но что из этого выгорит, никто не знает.

— Должен, Макс! Землю переверни, но детей этих найди! — Алексей Николаевич давит тоном, будто я не понимаю всего. Не обращаю внимания. Прекрасно знаю, почему от всей этой истории так штормит Огородина, да и не только его.

— Будет сделано! — отбиваю коротко.

— Мурзин, чтоб все бумажки по УПК¹! Чтоб ни один самый ушлый адвокат не прикопался. Понял меня? Чтоб всё в суд ушло! — Огородин эмоционален, но Лео тоже всё понимает, да и с ним в целом никогда таких проблем не было. Он дотошный, хитрый кот, который и прокурорам, и судьям в жопу влезет, но проведёт всё как надо.

— И это... Раз пошла такая пляска, семьи поберегите пока, — тише и будто нехотя говорит генерал.

На секунду повисает пауза. До меня как никогда доходит, что сын теперь под боком, а значит, под ударом. А ещё что генерал вызвал нас в обход всех инстанций, и на совещании с нами представителей города нет. Опять власть делят. Впрочем, не удивительно, учитывая, кто у нас всё ещё возглавляет полицию города.

¹ УПК – уголовно-процессуальный кодекс.

Устало тру глаза — они всё больше болят. Хочется спрятать Вадима так, чтобы ни одна живая душа его не нашла. Жаль, только, это невозможно. Пошлю я его к своим родителям — он сбежит оттуда в тот же день, и ищи его потом. Здесь у меня хоть ресурсы проследить есть.

— Угу, я свою уже приберёг, — едко хмыкает Лео, за перекосенным лицом неудачно пряча боль. Почти десять лет назад, в ходе другого громкого дела, его жену и сына убили.

— Ты прости, Леонтий, но мало ли. Даже если просто постоянная женщина, сам понимаешь, — Огородин крайне деликатен: для его резкой натуры это правда сложно.

— Всё я понимаю, Алексей Николаевич, не маленький. Спасибо за заботу, — мы с Огородиным переглядываемся, прекрасно понимая, что не отболела та история у Мурзина, но сделать ничего не можем.

Прощаемся с генералом и уходим. На втором этаже Лео сбегает куда-то по своим делам, а я иду на стоянку. Настроение — говно. Устал как собака. Дело громкое и небыстрое. Каждый дурак с нас шкуру снять жаждет. Публично поразориться, мол, «полиция бездействует». А то, что текучку никто не отменял, да и пацаны не роботы, никого не волнует.

Не нравятся мне и генеральские игры. Я далёк от властных амбиций, потому так долго в полях просидел. Моё желание осесть в кабинете больше связано с усталостью, чем с жаждой власти.

Затягиваюсь сигаретой, вглядываясь в тёмное вечернее

небо. Тя-жень-ко. Старею. В кармане настойчиво вибрирует телефон. Неизвестный абонент.

Хмыкаю. Я всегда беру трубку. Всегда, если мне не проводит трепанацию черепа очередное начальство. Парочка успешно посаженных мошенников, очевидно, прочистила базы данных в головах телефонных террористов, и левые люди мне не звонят. Неизвестный номер — это лишь новая неизвестная страничка в моей жизни.

— На проводе, — отвечаю, выпуская колечко дыма в небо.

Глава 6

«Денис Давыдов повернулся к женищинам задом и выстрелил два раза».

Из школьных сочинений. Просторы интернета

Музыка: «Моё сердце» (Сплин)

Макс

— Максим Маркович? — приятный женский голос внезапно режет слух. Не привык я с фиалками диалоги вести. После раскатистого баса генерала кажется, будто оглох.

— Слушаю вас, — делаю ещё одну затяжку, с наслаждением впуская дым в свои лёгкие.

— Вас беспокоит Тамара Ивановна, учитель русского языка и литературы вашего сына Вадима, — лишь закалка двадцатью годами работы в системе помогает мне не подавиться дымом.

— Что-то случилось? — спрашиваю, пока перед мысленным взором мелькает минимум 15 кадров из ежедневных сводок. Умом понимаю, что тогда звонила бы не русичка, но ничего сделать не могу: извращённый мозг так и подкидывает картинки с окровавленными телами. Старею.

— И да, и нет. Пока ничего критичного не произошло, но мне бы хотелось пообщаться с вами лично о сложившейся ситуации. — Выдыхаю излишне громко. Раз сразу не вере-

щит в трубку, как баньши, значит, жить будем.

— Вы могли бы завтра подъехать в школу? — щебечет тем временем Вадикова училка.

Мысленно прикидываю своё расписание на ближайшие дни. Не могу я завтра. И послезавтра не могу. Я вообще никогда не могу! Но внезапно очнувшаяся совесть не даёт забить на сына. И так слишком долго я был каникулярным папой. Смотрю на часы, просчитываю время и расстояние.

— Могу сегодня, минут через двадцать? — прикидываю самый оптимальный вариант. От генерала я освобожден раньше, чем думал, можно и порешать пока. Пацаны знают, что делать, а городское руководство ещё утром отстимулировало во всех позах.

— Через двадцать минут? — растерянно повторяет барышня, но почти мгновенно приходит в себя. — Хорошо, только постарайтесь не задерживаться. Мне надо освободиться до пяти. Скажите на вахте, что к Багратовой Тамаре Ивановне, я их предупрежу.

— Хорошо, скоро буду, — вешаю трубку и, выбросив окурок, сажусь в рабочий кроссовер. Как же я соскучился по своему Рубикону! Вот только выехать на ярко-синем джипе куда-то — равно повесить транспарант: «Едет начальник УГРО!». Впрочем, от писульки будет меньше толка, чем от моего зверюги.

Нахожу в бардачке глазные капли, закапываю, ловя удовольствие от ощущения прохлады на веках. Надо выспаться

всё-таки. Обещаю сам себе, что закрою дело, возьму сына и свалю на неделю в лес на рыбалку. Чтоб никаких трупов и генералов. Под неспешные мысли рулю в сторону школы. Забавная такая эта училка... Куда, интересно, ей надо в 5 часов? К мужу и детям? На подработку? На свидание?

В моё студенчество филфак называли институтом идеальных жён. Редкая девица оттуда доходила до выпускного без кольца на безымянном пальце. Непристроенными оставались только страшные, тупые (и то не всегда), а редкие исключения выходили замуж в первые же годы работы. Какая училка у Вадика? Как в моём детстве? Гром-баба под два метра и весом с центнер?

Надежда Пална единственная не посмотрела на мои медали и заслуги в спорте. Я сдавал всё от корки до корки, несмотря на обучение экстерном. Тогда ненавидел её люто, тетрадку по литературе сжёг сразу после экзамена. А вот когда карьера моя спортивная пошла под откос и я вышел в поля — часами переписывая от руки протоколы, заполняя сотни бумаг и придумывая очередной оправдательный рапорт покруче сочинения о моральном облике Наташи Ростовской, — вспомнил добрым словом русичку.

Приехав в отпуск, решил её навестить и поблагодарить. Купил роскошный торт, цветы, явился к ней и не узнал. Она похудела до впавших щёк и, казалось, даже стала меньше ростом. Она ушла из школы из-за болезни, и та медленно, но верно грызла изнутри железную леди. Болезнь она победи-

ла: я перерыл все старые связи и нашёл ей толкового врача. Грамотная терапия препаратами до конца жизни, но это куда лучше прогнозов местных врачей. Сейчас Надежда Пална всё ещё в строю. Оформила себе самозанятость и консультирует то коллег, то выпускников. У неё энергии хватит на десяток молодых педагогов.

Погружённый в воспоминания, не замечаю, как паркуюсь у школы. Захожу в здание и здороваюсь за руку с охранником.

— Костя? Ким? — удивляюсь. — Насколько помню, ребята почти всё время катаются в личной охране.

— Отправили нервы восстанавливать, — ржёт. О, да. Личная охрана она такая.

— А вы какими судьбами? — любопытствует.

Профессионально не люблю азиатов — по ним не понятен возраст. Тот же Костя выглядит на двадцать, а брови вот нахмурил сейчас — и уже сорок.

— У меня сын тут теперь учится, русичка вызвала на ковёр, — не вижу смысла что-то скрывать.

— А-а-а, Тамара Ивановна? — Он не то чтобы спрашивает, так уточняет, а я киваю. — Вот по той лестнице на третий этаж, а там прямо, тридцать шестой кабинет.

Благодарю и отправляюсь к училке. Сколько тут в школе? Тысячи полторы учеников? Значит, и учителей не меньше сотни, при этом охрана точно знает, к кому из русичек родители могут прийти. Качаю головой. Шансы на сучность ба-

рышни с каждой минутой всё выше.

Из 36-го кабинета небольшими кучками выползают школьники. Судя по габаритам и лёгкому баску от пацанов, класс одиннадцатый. Чем дальше от кабинета, тем экспрессивнее их речь.

— Это звиздец какой-то, я не сдам это сочинение! Можно мне вместо этой писанины лучше три профиля по матеше написать? — возмущается высокий кудрявый парень, а приятели его успокаивают, мол, в прошлом году все сдали, а они чем хуже?

Улыбаюсь неволью. Такие они серьёзные в своих проблемах. Девчонки, хихикая, стреляют в меня глазками. Я и забыл, как это — столько женского внимания разом. Для них я как Майкл Тайсон, внезапно зашедший в рядовую провинциальную школу.

Дверь в тридцать шестой кабинет открыта, захожу, пропуская на выходе очередную кучку детей.

Мои ожидания не оправдались. За учительским столом сидит миниатюрная брюнетка: костюмчик, блузка, шпилечки, длинные волосы, очёчки — влажная мечта любого подростка.

— Добрый вечер, — здороваюсь, обозначая своё присутствие. Кто-то торопился вроде, а сейчас неспешно беседует с ученицей.

Баградова отвлекается от разговора с рыженькой девочкой и цепляет взглядом меня. Её глаза за линзами очков забав-

но округляются. Даже от входа видно, насколько они у неё голубые. Ч-чёрт. Такую реально — в охапку, в пещеру, и со шкуры мамонта никуда не выпускать. Пробегаюсь взглядом, замечаю правую руку: кольца нет. Правда, сейчас их не все носят, но такая правильная барышня точно бы носила.

— Максим Маркович? — справившись с шоком, уточняет. У неё что, ещё мужики из полиции должны явиться? В честь встречи с генералом я по форме. Не люблю так. Слишком много внимания — не зря по пути школьницы, как воробышки, вокруг кружили. Пока к кабинету шёл, собрал с десяток томных вздохов.

— Так точно, — отбиваю громко, строя тупого служаку. Это удобная маска, чтобы понять человека: с моими габаритами прикинуться «тупым качком» или «солдафоном» проще простого. Однако русичка даже бровью не ведёт.

— Присаживайтесь, — мягко ведёт рукой с идеальным неброским маникюром в сторону парт. — Минуту, и я освобожусь.

Барышня тут же отворачивается, а я сравниваю себя и школьные стулья. Что-то я не уверен в их сохранности. Мои габариты на этом стуле будут выглядеть, как неудачная выпечка из духовки: когда тесто вылезло из всех краёв и грустно свисает по краям формы. И это если школьный стул выдержит мои сто десять с хвостом килограммов.

— Тamarванна, ну какие темы будут? Вы же наверняка что-то знаете? — уточняет, слегка капризная, рыженькая

малявка.

Сравниваю их. Эта «Тамарванна» выглядит чуть ли не ровесницей собственной ученицы. Морщинки выдают, что ей всё же к тридцати. Лет 28, на вскидку, но если не придирайтесь, то их и за подружек принять можно.

— Я все свои мысли озвучила на консультации. Ты зря переживаешь, у тебя всё получится, — с ученицей её голос ещё мягче, такой обволакивающий, что в моей душе дёргаются какие-то забытые нотки. Впрочем, не только в душе. Физиология непрозрачно напоминает, что с момента смерти бывшей жены времени порешать естественные нужды у меня не было.

— Не накручивай себя, иначе перегоришь. Меньше нервничай, хорошо спи, дыши свежим воздухом, не перенапрягайся, — терпеливо, но твёрдо успокаивает девочку Тамарванна.

— Вы советы даёте, как беременной: не нервничай и гуляй, — хихикает рыжик.

— Ой, Лиза, одиннадцатый класс — это как беременность и есть. Вы девять месяцев ходите, ждёте, с каждым месяцем всё сложнее, потом немного боли пополам с позором — и долгожданное облегчение от рождённого результата.

Не выдержав, хмыкаю. Интересное сравнение. Рыжая смеётся заливисто, как могут только молодые девчонки, будто лесной ручеёк журчит.

— Вы как скажете, — качает головой и хихикает эта Лиза.

— Ладно, спасибо, Тamarванна, я побежала. До свидания.

— До свидания, Лиз, — улыбается училка так мягко, что я залипаю на её пухлых губах. Интересно, какие они на вкус?

Глава 7

«У Онегина было тяжело на душе, и он поехал к Татьяне облегчиться».

Из школьных сочинений. Просторы интернета

Музыка: «Сынок» (Чай вдвоём, Стас Костюшкин, Денис Клявер)

Макс

Багратова наконец переводит взгляд на меня, хмурится и предлагает уже другим, чуть более строгим тоном:

— Присаживайтесь, Максим Маркович.

— Не уверен, что эти стулья меня выдержат, — слегка веду плечом, как бы ненароком демонстрируя свою форму. Выискиваю в открытом взгляде русички хоть грамм женской заинтересованности, но там лёд.

— Ну, если они пережили павлиньи танцы вашего сына, то и вас выдержат, — бросает строго, а я хмурюсь.

— Какие танцы? — уточняю, надеясь, что мне послышалось.

— Тверк или поптинг, я, честно говоря, слабо разбираюсь в этих направлениях, — мысленно представляю, о чём она, и роняю челюсть. Похоже, мне и правда лучше присесть. Картинку беснующегося Вадика в моей голове на минутку перекрывает его училка. Вот Тамаре Ивановне подошёл бы

тверк, в отличие от моего сына.

— Подробности? — получается жёстче, чем я хотел. Мысленно морщусь, а училка вздёргивает бровь.

— Напомню, что мы не на допросе, — улыбается, но потом становится серьёзной, даже строгой. — Но ради вашего любопытства... У Вадима конфликт с мальчиками в классе: делёжка территории, поиск альфа-самца в пубертате. В общем, он всеми способами пытается доказать, что крут. Вот сегодня плясал на стуле и парте. В первый день просто поставил стул на парту и уселся, изображая местного короля. Дважды подрался, смотрел гифки 18+ со звуком. Про хамство, оскорбления и приставания к девочкам молчу. И это только у меня на уроке.

Мысленно моя челюсть падает вниз, пробивая все три этажа школы, внешне же я держу покерфейс. Не самое большое моё потрясение в жизни. Слабо верится, что Вадька это всё мог. Впрочем, тут же вспоминаю, что слушать «Красную плесень» в доме, полном ментов, смог же.

Внезапно цепляюсь за строгий, ожидающий взгляд Тамар-ванны, и меня берёт злость. Чего эта училка хочет, вычитывая меня как пацана? Её задача — русскому учить, а не меня воспитывать.

— Очень интересно, почему обо всём этом узнаю от вас, а не от классного руководителя? Может, вы нагнетаете и всё не так плохо? — Тон у меня мягче не стал, потому что усталый мозг включает паранойю. Что, если это просто повод по-

знакомиться с холостым отцом ребёнка? Вадик, конечно, не подарок, но период «оторви и выбрось» мы вроде как уже прошли.

Барышня напротив тяжело вздыхает, будто читая мои мысли.

— Классный руководитель у вас — молодой специалист, пока только набирается опыта. Наивно считает, что ученики, устроенные по блату, имеют большие привилегии, — морщусь. Я действительно пристроил Вадима через связи, но ни о каком особом отношении речи не шло. Тamarванна же остаётся всё такой же устало непробиваемой. Эта её профессиональная сдержанность почему-то бесит меня. Морщинки на лице, огонь в глазах, живая мимика говорят, что натура она эмоциональная, живая, и мне хочется этих эмоций, а не училкинского этикета.

— А если по фактам, то вот вам флешка, — продолжает невозмутимо. — Здесь видео с уроков. Я думаю, вы в курсе нашего видеонаблюдения, посмотрите кино на досуге. Могу запустить сейчас, — кивает на свой компьютер. — Хотя что-то мне подсказывает: вряд ли вам понравится смотреть это в моём присутствии.

Соглашаюсь с ней: если хотя бы половина — правда, стыдно до чёртиков. Вот почему косячит сын, а стыдно мне? От этого давящего, непривычного, неловкого чувства прячусь за лёгкой агрессией.

— Хорошо, — забираю протянутую флешку. — Но если

классной нет дела, то причём здесь вы? Вам больше всех надо?

На этих словах Тамараванна расплывается в открытой улыбке. Залипаю на мгновение. Хорошенькая... Вот зачем ей нервы в школе мотать? В кровать — и драть до сорванного голоса. Такие барышни рождены, чтоб делать мужской мир прекрасным.

— Что вас так развеселило? — быкую на себя за нелепые мысли, а прилетает училке.

— Вы просто очень похожи с сыном. Он спросил меня о том же, когда я попыталась с ним договориться, — поясняет свою улыбку и становится строгой. — Видите ли, я стала учителем не от безысходности, а от любви: к детям, профессии, языку...

На этих словах мой усталый мозг представляет совсем не те картинки. Любовь к языку, ммм... Чертыхаюсь на себя. Что за неуместные фантазии? Надо срочно сбросить пар в компании какой-нибудь хорошенькой следачки. Есть у нас там дамы с фаберже. Тоже любят быстрые и ни к чему не обязывающие отношения.

Пока я тут строю планы 18+, училка вещает:

— Поведение Вадима мешает ему учиться — и ему, и всему классу. Он попросту лишает себя возможности развиваться, наказывает за что-то. Осознанно нарываясь на неприятности, — на последних словах Тамарванна морщится, будто ей очень неприятно всё это говорить. Странно, я

всегда считал, что учителям в кайф песочить таких нерадивых папаш, как я.

— Это как? — уточняю всё же. Знать о потенциальных неприятностях сына мне сейчас надо. Ой, как надо.

— Видели девочку, когда пришли? — Киваю, не понимая, о чём она. — Это Лиза. Ей летом 18, и она выходит замуж за парня постарше. Он студент, отслужил срочку, попал в зону боевых действий. Она его ждала, ночами не спала, не зная, что с ним. Семьи дружат, родители души не чают в выборе детей.

— Зачем мне эта информация? — хмурюсь. По мне, так рано играть свадьбу в 18: мой ранний брак не принёс радости, но, может, у этих ребят всё будет по-другому? Дождаться парня из армии, когда в голове подростковый ветер, — это достойно.

— А ваш Вадим решил поухаживать за Лизой. Я молчу о том, что он в 8-м классе, а она в 11-м. Его гоняют друзья Лизы. Я его предупредила. Рассказала коротко историю ребят, но он прёт, как бронепоезд, — русичка сокрушённо качает головой, отчего её волосы красиво переливаются. — Не слышит никого, включая саму Лизу. Как вы думаете, что будет, когда жених приедет и узнает обо всём?

Пиздец будет. Хмурюсь сильнее: мне отвратительно не нравится ситуация. Ощущение, что Вадька просто нарывается. И в моменте я благодарен Тамаре Ивановне, что она всё это рассказывает. Я был Вадиму даже не воскресным папой,

а отцом, что приезжает раз в столетие. Но даже этого хватило, чтобы он нахватался не самых лучших качеств.

— Я вижу, вы поняли, — удовлетворённо кивает училка, как галочку подбородком ставит — цель достигнута. — Это не моё дело, вы правы, но мне жаль Вадима, и я не могу молчать.

— Почему вам его жаль? — Меня царапает эта жалость. За что жалеть здорового, боевого пацана?

— Он жаждет внимания и всячески пытается его привлечь — вот этими конфликтами, учёбой. Кстати, об учёбе, — протягивает со стола мне три огрызка — криво вырванные из тетради листы, исписанные отвратительным почерком. Моя бы Надежда Пална такие листы в урну отправила бы, а за почерк заставила бы прописи первого класса писать. Ещё и припечатала бы про листы, с которыми только «до ветру» сбегать можно.

— Вот это работы вашего сына за прошедшее время, — поясняет значение огрызков Тамараванна. — Вот для сравнения работа другого ученика, а это — отличника.

Кладёт рядом две тетради. Одна идеально чистая, с понятным почерком, другая... Обычная: почерк гуляет, ошибки есть, но в сравнении с Вадимом выглядит почти идеальной. Неодобрительно качаю головой. Это неуважение ни к себе, ни к учителю. Обуздав разбушевавшуюся паранойю и фантазию, приходится признать, что Багратова — хорошая учительница. Правда, что-то в ней меня цепляет лично. За-

ставляет кипеть и быть необъективным.

— Он не носит ни тетрадей, ни учебников, — сделав паузу на моё осознание, добывает Тamarванна. — И в целом я не уверена, что они у него есть. Вы их брали в библиотеке?

Что? Учебники? Хмурюсь. Я смутно помню, как после ночного вызова закинул сына в школу, где на вахте его встретила классуха, и улетел на разбор полётов. Библиотека? Учебники, тетради? Да, блядь. Понимаю, что близок к тому, чтобы покраснеть. А эта... Училка продолжает изощрённый эмоциональный садизм надо мной.

— А вы знаете, ведь Вадим не поверил, что вы приедете, если я вас вызову в школу? Сказал, что мне самой придётся искать вас на работе, — договаривает и всматривается в меня своими бездонными голубыми глазами.

— Ну... Такой шанс был, — почему-то не хочу сейчас врать и изворачиваться. — Вам повезло, позвонить мне вовремя.

— Но всё же вы здесь. А значит, вам не плевать на сына, — ободряюще улыбается мне. — Я не знаю вашей истории и не собираюсь лезть в душу, но вашему сыну нужен отец. Ему больно и плохо от потери матери, он один сражается со всем миром. Пусть это глупая война, ведь большинство не хочет с ним сражаться, но он закусил удила и прёт вперёд. Остановить его можете лишь вы. Вы — его отец. Не упустите. Мне уже рассказали, что вы «мировой» мужик, отличный и честный полицейский, но вы ещё и отец. Не упустите сына. Ина-

че через пару лет вы будете с ним по разные стороны закона.

Молча сверлю её взглядом. Хочется нарычать, потому что бьёт в больное место. Слишком хорошо я понимаю, о чём она. У того же Огородникова старший сын добровольно влез в такое дерьмо, что отец чуть погон не лишился, пока вытаскивал.

Грустно хмыкаю. Осознание оглушает меня. Она ведь права. Я — отец. И теперь не иногда по праздникам и отпускам, а каждый день. Сколько времени за неделю я видел Вадика? Час? Два?

Глава 8

«Троекуров обладал большим богатством, противным характером и дочерью Машей».

Из школьных сочинений. Просторы интернета

Музыка: «Характер не сахар, признаю!» (Юлия Светлая)

Тома

Смотрю на огромного Петровского, которого внезапно пришибло осознание отцовства, и хочется улыбаться. Не потому, что смешно, а потому, что вот сейчас он невероятно милый.

Рассматриваю его: грубые черты лица будто высечены из камня, пронзительные карие глаза, будто рентген, просвечивают тебя. Короткая стрижка, гладко выбритые щёки, уверенная осанка, рельеф мышц, который ни одному костюму не спрятать. Петровский не красавец в общепринятом смысле — его внешность слишком brutальная. Зато тестостерон, гуляющий в воздухе вокруг этого самца, прямо говорит, что он альфа и все самки вокруг должны быть его. Даже мои гламурные выпускницы свои зюобразные спинки выпрямили и глазками захлопали.

Хотя их «краши» — полная противоположность Петровского: мальчики в настолько обтягивающих штанах, что первичные половые признаки видно невооружённым взглядом

с двадцатого ряда концертного зала.

Когда Максим Маркович только вошёл — высокий, мощный, в форме, — меня прошибло каким-то первобытным страхом: настолько мощная энергия у этого самца. Такие мужчины никогда не привлекали меня, вызывали какой-то подсознательный страх.

От природы хрупкая и невысокая, я просто теряюсь в обществе таких гигантов. Мой типаж мужчин попроще: интеллигенты без восьми кубиков пресса, зато с кандидатской по педагогике. Улыбка прорывается у меня, вот только горькая.

Может, пора поменять предпочтения в мужчинах?

Чем хорошо закончились предыдущие романы?

Дырой в груди и жизни, да такой, что я смотрю на объективно привлекательного мужика — и ничто не дрогнет внутри. Только застарелая боль тянет. Возвращается отвратительное ощущение, будто я ежа проглотила, а он решил развернуться во всю свою мощь прямо у меня в желудке.

— Так, ладно. Спасибо за информацию. Будем исправляться, — пока я тут скатываюсь в пучины самокопания, Максим Маркович приходит в себя. — Есть какие советы по делу? А то отчитывать все горазды... А делать-то что?

«Чернышевского читать!»¹ — язвлю, к счастью, мысленно. Мне очень хочется вспылить: наорать на этого мужлана, что не стоит перекидывать с больной головы на здоровую. Я тут не отчитываю его! А помочь пытаюсь.

¹ Тамара иронизирует о романе Николая Чернышевского «Что делать?».

Представляю внутри себя воздушный шарик, который надулся от моего возмущения, и лопаю его. Вместе с воздухом из шарика мысленно отпускаю возмущение. Отличный приём! Мне его давненько посоветовала Инна, наш психолог, — теперь только так справляюсь во время встреч с особо «выдающимися» родителями.

Внутренне придя в себя, решаю не шадить хрупкие мужские нервы.

— Начать проводить время с сыном, — говорю спокойно, но твёрдо. — Я понимаю всю значимость вашей работы, но... Вы меня простите: начальников в полиции хватает, а вот отец у Вадима один. Никто не заменит вас.

Вижу, как от моих слов корёжит Петровского, но не даю ему очухаться и продолжаю:

— И проследите, чтобы Вадим посещал психолога. — Ой-ёй, кажется, меня сейчас испепелят взглядом. — У нас работает Инна Вениаминовна. Вы гарантированно знаете её по кризисному центру и можете доверять. Она не будет использовать ненужные приёмы, рассказывать подробности встреч или как-то третировать вашего сына. У Вадима горе: он потерял мать, своё окружение. Его жизнь кардинально изменилась, а единственный близкий человек игнорирует.

— С чего вы решили, что он горюет по матери? — сухо спрашивает Максим Маркович. — Он даже не плакал у неё на похоронах, а весь прошлый год только нервы ей трепал.

— Ваши родители живы, да? — уточняю неожиданно для

самой себя. Видно, Петровский тоже не ожидает этого вопроса, потому что на автомате кивает. Грустно улыбаюсь, когда сердце на миг сжимается. — Маму терять больно в любом возрасте. Даже если вы злейшие враги, смерть мамы — это боль. Он просто подросток, который запутался и ищет себя. Бунтовать, трепать нервы и даже плясать на парте — это, конечно, не нормально, но ожидаемо, когда подросток требует внимания. А слёзы... Вас же, мужиков, с младенчества учат, что рыдать нельзя.

— А что в этом плохого? — продолжает давить на меня агрессией. Вот только не на ту напал. Мне может быть внутри безумно страшно, но показывать я не буду! Если я массовой драки одиннадцатиклассников не испугалась, то какому-то полковнику меня и подавно не напугать.

— Сдержанными эмоциями, — поясняю элементарное. — Он там не рыдал, чтобы перед «железным» отцом держать марку, зато потом нарвался на какую-нибудь драку. Чтобы побольнее было. Чтоб себя наказать. Ведь драка и шрамы — это нормально: за это папа наругает, но презирать не будет.

Раздаётся какой-то странный звук. Я не знаю, чего бояться больше: что Петровский от ярости раскрошил свои белоснежные зубы или сломал мне парту. Зубы — это его проблемы, а вот за парту меня завхоз прилюдно препарирует.

— Спасибо за советы. Разберёмся! — рычит Петровский и встаёт так резко и с такой силой, что назад отлетают сразу три парты — одна из них задевает цветочный горшок у меня

на окне. Цветок с грохотом летит вниз, разлетаясь пластиковой трухой.

Слышу сдавленный мат. Дёргаю бровью, уже открывая рот, чтобы отчитать папашу, а потом так же быстро закрываю. Бог с ним. Всё равно цветы искусственные. Не растут у меня горшечные создания. Вот на огороде — да, всё прекрасно. А вот комнатные никак. На окнах стоят удачные имитации.

— Я... — начинает Максим Маркович, ничуть не теряя своего гнева.

— Не стоит. Это искусственные цветы, — невежливо перебиваю Петровского, но не хочу слушать лживые извинения. Да и в целом моё терпение заканчивается. Пусть уже идёт... с Богом! — Я всё уберу. Всего доброго, Максим Маркович.

Встаю и иду в конец кабинета, где у меня метла и совок, всем видом показывая, что диалог закончен. Слышу за спиной громкий выдох.

— Всего доброго, — слышу сдавленное шипение и хлопок двери. Только после этого иду наводить порядок. Моя отключенная попа в юбке-карандаш — точно не тот вид, который стоит демонстрировать родителям учеников. Даже если они похожи на ожившую иллюстрацию австралийского календаря.

Трачу минут десять, чтобы навести порядок в кабинете и подготовить его для уборщицы. Переношу занятие с учени-

ком, понимая, что до шести домой, с учётом пробок, уже никак не попаду. Тороплюсь на автобус, чтобы успеть провести хотя бы репетиторство в семь часов. К занятию дома всё готово: этот ученик у меня дистанционно, а значит, переживать об уборке не стоит. После занятия надо подготовить на завтра материал для одиннадцатого класса — они просили...

Не успеваю додумать мысль — сзади раздаётся раскати-стый бас:

— Тамарванна! Вы торопитесь? Давайте подброшу.

Петровский стоит во дворе школы и в нарушении всех правил бессовестно курит. Открываю и закрываю рот, как рыбка, выброшенная на берег.

Я испугалась, а вид огромного Петровского на фоне чёрного джипа не добавляет спокойствия моим нервам. Сердце бьётся, как заяц в силках.

— Н-н-нет, — выдавливаю силком из себя. Делаю пару глубоких вдохов, возвращая себе трусливый голос. — Спасибо, я на автобусе лучше. Не езжу с незнакомцами.

— Ну какой же я незнакомец? Я отец вашего ученика! — Петровский делает шаг вперёд, протягивая руку. Вроде невинный жест, но я непроизвольно отступаю назад. Со стороны мои движения выглядят нервными, дёрганными и истеричными, но мне плевать. Ни за что не поеду с ним в машине. Это очень страшно.

— Спасибо за предложение, я на автобусе! — тараторю и сбегаю к автобусной остановке. Глубоко дышу, отгоняя бо-

ЛЕЗНЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ.

В тот вечер мы возвращались из соседней области с очередной конференции. Я ездила как молодой специалист, мама выступала с докладом. Это официально, а на самом деле — просто поехала меня поддержать. В том городе было полно моих болезненных воспоминаний, поддержка мамы оказалась бесценной. Конференция прошла удачно: общения с коллегами было много, новые интересные идеи уроков уже крутились у меня в голове.

— Ой-ёй-ёй... — неожиданно говорит мама.

— Что случилось? — обеспокоенно отрываюсь от брошюры по интерактивным методам, которую листала в осенних сумерках.

— Похоже, гидроусилитель совсем умер, — жалуется, аккуратно крутя руль.

— А папа тебе говорил! — наставительно поднимаю палец вверх.

— Ой, вот только не начинай, — встряхивает головой, отчего из строго учительского пучка выбиваются пряди. — Отец твой — перестраховщик.

Темнеет на дороге быстро, и мы болтаем, внимательно всматриваясь в дорожное полотно. Вот только ни я, ни она не замечаем в спустившейся ночи чёрный джип с выключенными фарами, вылетевший на нас из-за поворота. Водитель джипа решил ехать по встречной. Да-да, не обгонять,

а просто ехать. Когда мы его заметили, мама просто не успела среагировать.

Я так и не сказала отцу про гидроусилитель, хотя он и сам догадывается. Эксперты признали, что шансов увернуться от столкновения не было: низкая видимость, извилистая дорога, высокая скорость джипа.

Вот только сама я почти восемь лет уже гадаю: а вдруг успела бы?

Глава 9

«Анна сошлась с Вронским совсем новым, неприемлемым для страны способом.»

Из школьных сочинений. Просторы интернета

Музыка: «Хитрая лисица» (Макс Маслов)

Макс

Сбежала. Махнула хвостом и сбежала, как лисица. Хотя нет... Как трусливый зайка в шубке не по сезону. Закуриваю вторую и качаю головой. Она так от меня шарахнулась, будто я её насиловать тут собрался. Профессиональная чуйка встаёт на дыбы.

В кабинете она была другой: уверенной, собранной — настоящим профессионалом. Адекватная опаска перед незнакомым здоровенным мужиком, конечно, была, но на то она и адекватная. На улице же она сильно испугалась. Обидел кто? Да нет, не похожа она на жертву насилия... Хотя чего гадать?

Выкидываю недокуренную сигарету в урну. Надо бы меньше курить — никотин скоро польётся из ушей. Сажусь в машину и набираю Межинского.

— Слушаю, товарищ полковник, — откликается Вася спустя пару гудков.

— Найдите-ка мне информацию на Багратову Тамару Ивановну, неофициально. — Роюсь на заднем сиденье: здесь

точно был рабочий ноутбук — печатная машинка без данных.

— Будет сделано, — отбивает лейтенант, но тут же уточняет: — Что-то конкретное искать?

— Да нет, так, общую информацию хотя бы. — Вряд ли у школьной учительницы суперсекреты. — И заканчивайте: чтобы после восьми в отделе только дежурные были. Выспитесь, а завтра со свежей головой — в бой.

— Так точно! — голос Межинского заметно веселеет. Понимающе хмыкаю. Упахались пацаны, с них толку уже никакого. В этом деле сейчас ночь сна роли не сыграет, а ребята хоть смогут мыслить адекватно.

— Всё. Додельвайте и по домам! — отключаюсь и запускаю видео с флешки на ноутбуке.

Первым попадаетея то, где мой сын задорно отплясывает тверк на стуле, явно красуясь перед девчонками и нарываясь на взбучку от пацанов. Ловлю себя на дурацкой улыбке. Внутри — гремячая смесь: одновременно хочется навтыкать дураку, чтоб не нарывался, и тупо поржать.

Как там Тамарванна сказала? «Поиск альфа-самца в классе»? Вадик однозначно подходит к этому вопросу со всей своей дурной энергией. Мальчишка!

Посмотрел отжиги малого, поржал, а потом завис. А как это выглядит в глазах милашки-училки? Вадик уже сейчас здоровенный лоб. Вот что она будет делать, если от потолкушек они перейдут к махачу?

Усталый организм требовал приехать домой и завалиться спать, а подсознание кипело, перескакивая с мысли на мысль. Я и злился на Тamarванну, и был благодарен. Я привык, что вопросы жизни моего сына решаются как-то сами собой, от меня требовалось только переводить бабло на систематической основе. Вот только неожиданно оказалось, что Вадик ещё ребёнок. Он не может или не хочет сам получить учебники, он всё ещё бунтует и хочет моего внимания.

С гудящей головой и роем мыслей всё-таки завожу машину и еду в сторону дома. Завтра утром надо успеть сгонять с Вадимом в школу и доехать до врача. А ещё проконтролировать пацанов.

Неожиданно встаю в пробку в центре и решаю не тратить время зря — набираю Инну Асташеву, психолога из школы. Я действительно работал с ней в кризисном центре для женщин. Профессионалов её уровня — единицы. Возможно, работа с ней — то, что нужно моему сыну, если у отца эмоциональный диапазон деформировался до уровня улитки.

— Алло, — тишину салона автомобиля разрезает красивый женский голос.

Инна родом из какого-то жутко древнего аристократического рода, и вся вот эта возвышенность есть в ней от природы. Внешне она такая девочка-альтернативщица, но врождённые манеры пальцем не заткнёшь.

— Привет, это Макс Петровский, — решаю пояснить. Звоню ей с личного номера, вдруг не узнала? Мы хоть и об-

менивались контактами на тренировках, но в основном списывались в мессенджерах.

— Да, привет, я узнала. Что случилось? Вы опять планируете потренировать? — спрашивает с азартом.

Инне взбрело в голову учиться боксу, и я периодически беру её на тренировки с приятелями. Для девочки её веса, не профессиональной спортсменки, она оказалась просто умничкой.

— Нет, я по личному. Вадим, мой сын, должен ходить к тебе на консультации... — начинаю и запинаясь, даже сам не понимая, что я тут хотел попросить.

— Должен, но не ходит, — чутко ловлю изменение интонации Инны. Сейчас это уже не милая девочка с тренировок, а профессиональный психолог.

— Эм, я бы хотел, чтобы он всё-таки дошёл до тебя. Вот только уговорить в школе вряд ли получится. Мне его русичка, Тамарванна ваша, пожаловалась, что он там альфа-самцом стать пытается. А психолог, как ты понимаешь, не по-альфачьи совсем, — вываливаю всё как есть.

— Без проблем, приезжайте ко мне в центр, — спокойно реагирует Инна. — Старшеклассники периодически ходят ко мне туда.

Мысленно прикидываю расписание Вадима и кого бы припахать его туда возить. Всё-таки центр находится в другом районе.

— А когда ты можешь его взять? — уточняю. — Мне бы

расписание школьное да тренировок прикинуть, чтобы его доставку туда организовать.

— А когда ты его сможешь привозить? — возвращает мне вопрос Инна.

— В смысле — сам привозить? — переспрашиваю, растерявшись.

— В прямом. Забрал сына со школы или тренировки и привёз. Поход к психологу — стресс для взрослых, с виду адекватных людей, а ты говоришь о подростке, который недавно потерял мать. Кто его должен в этом поддерживать, если не отец? — Инна говорит спокойно, ровно, без осуждения, а мне кажется, что меня второй раз за день носом по дерьму повозили.

Прикуриваю очередную сигарету, с психом обнаруживая, что пачка закончилась.

— Во вторник вечером, часиков в восемь, ты ещё работаешь? — перебрав в голове все варианты, нахожу единственный возможный.

— Для своих работаю, — слышу, как довольно улыбается.

— Ладно, на связи тогда, — прощаюсь и еду к магазину у дома. Без сигарет я завтра просто не переживу. Понимаю умом, что зависимость становится пугающей, но в период аврала отказать себе не могу.

Вспоминая, что дома из продуктов только вчерашняя доставка, покупаюсь разным. Сам я могу прожить пару недель на доставке. Вот только я больше не один. Дома меня ждёт

молодой жрущий организм. Я в 15 лет ел всё, что можно и нельзя. Тренеры зверели, но остановить эту бесконечную печку для еды было невозможно. Хорошо хоть на ринге всё шло в дело: энергии во мне было до чёртиков.

Расплачиваюсь на кассе и чуть не забываю сигареты. Хмыкаю: вот она, жизнь с семьёй.

На выходе из магазина меня встречает курящий Огородников. Не сказать, чтобы я был удивлён. Он живёт в моём районе, и мы периодически пересекаемся вечерами — то покурить, то с псом его погулять.

— Прогуляемся? — генерал кивает на своего Барбоса, подтверждая мои догадки.

Пёс — смесок овчарки с двортерьером, которого он щенком спас на ночной трассе зимой. С тех пор Барбос верно охраняет хозяина.

— Минуту.

Демонстративно показываю руки, занятые продуктами. Я как-то разгулялся и закупился впрок. Пиликаю сигналкой и закидываю пакеты в машину. Растираю пальцы на левой руке, куда впились тонкие ручки. С наслаждением затягиваюсь очередной сигаретой и стремительно нагоняю генерала, которого Барбос уже утащил вперёд, к небольшому скверу.

— Ты уверен в том, что делаешь? — спрашивает Огородников, стоит нам отойти от лишних ушей. Бывший опер со своей легендарной интуицией старой ищейки быстро догадался о моих планах.

— Здесь нет вариантов, — пожимаю плечами я. — Слишком высокие ставки.

— Ну, дело твоё, — выдыхает сигаретный дым Алексей Николаевич. — Пацанов прикрою, если что, но и ты там не борзей.

Я ехидно улыбаюсь, чувствуя себя опять зелёным лейтенантом в отделе у бывалого майора.

— Как можно? — В моём голосе столько искренности, что Огородников только качает головой. Пожав мою руку, он уходит дальше гулять с Барбосом, а я еду домой.

— Пап? — шокированно высовывается из комнаты взъерошенный Вадька, услышав стук входной двери.

— И тебе привет, сын. Помоги разобраться, — киваю на пакеты, пока сам раздеваюсь и иду мыть руки.

— О, жратва! — слышу восторженный вопль с кухни. Что ещё надо для счастья молодому растущему организму?

— Ужинал? — спрашиваю, опираясь на косяк.

Малой давится куском мяса, который отрезал себе сразу, как достал из пакета. Хорошая такая белковая ветчина проверенной марки. Ломтик сантиметра два.

— Мнямф, — отвечает, пережёвывая мясо. Осознаёт, что ничего не понятно, и отрицательно трясёт головой.

— Поможешь приготовить? — спрашиваю, разбирая продукты. Помощник мой занят — хомячит.

— Ага, — соглашается, а потом зависает. — А ты что умеешь готовить?

— Я столько лет живу один, конечно, умею, — пожимаю плечами. Оставляю на столе стейки красной рыбы, овощи, лимон, остальное убираю в холодильник.

— Ну просто всё время какая-то доставка, — мнётся, стесняясь.

— Помой лимон, огурцы, помидоры, перец, — руковожу сыном. — Несколько лет назад я помог раскрутиться ребятам, организовывающим кейтеринг для спортсменов. Теперь у меня есть доставка готовой еды в любое время дня и ночи. Они молодцы: считают КБЖУ, учитывают вид занятости, да и готовят неплохо.

— Пресное всё, — жалуется Вадим, старательно намывая овощи.

— Ну, во-первых, много соли — это много застоя жидкости в организме, а спортсменам отёки не нужны. Во-вторых, руки есть, а приправы добыть на кухне можно, — объясняю сыну, а руки уже механически готовят: натирают специями рыбу, поливают стейки лимоном и отправляют на гриль.

Включаю вытяжку и готовлю салат, добавляя к овощам листовой салат, специи и оливковое масло. Подумав, режу ещё мягкий сыр. Цельнозерновой хлеб я взял уже нарезанный. Можно, конечно, и без него, но, глядя на голодный взгляд сына, мне кажется, что даже парочки стейков на каждого мало будет. Надо было по три брать.

— Вкусно! — удивлённо восклицает сын, с недоверием попробовав рыбу. Я только хмыкаю, неспешно разбираясь со

своей порцией.

Только начав есть, понимаю, что сам голоден как волк, но стоит организму насытиться, как меня срубит. А мне надо ещё с сыном кое-что порешать. Какое-то время на кухне слышен только мерный стук вилок.

— Мама никогда такое не готовила. Как и бабушка говорила, что это излишний пафос, — делится сын, когда на тарелке ничего не остаётся. — Рыба у нас была только в виде котлет из щуки, ну или жареной в муке. Я жареную не любил: там вечно кости, а котлеты воняли.

Застываю, внутри разливается странное тепло. Мне приятно, что сын делится со мной. Пусть это какая-то мелочь, но для меня она огромна, как тоненький мостик понимания между нами.

— Ну, каждый день такой ужин не обещаю: нужно и разнообразие, и работа опять же, но раз в неделю можно организовать, — рассуждаю вслух. Мне неожиданно хочется его баловать. Раньше я считал, что балую его, выделяя деньги на дорогие подарки, даже сам не выбирая их, а теперь вот, оказывается, вкусная еда — тоже способ.

— Круть! — радуется, но тут же недоверчиво переспрашивает: — А сможешь? У тебя же работа?

— Смогу. Меня тут сегодня демонстративно носом потыкали в мою несостоятельность как отца, так что буду что-то менять в работе, — хочу быть с сыном честным. На вранье не построишь нормальные отношения.

— Это как? — ничего не понимает Вадим.

— Ну, буду появляться дома хотя бы, — перевожу взгляд на часы, горящие на дисплее духового шкафа. — Ну вот хотя бы до девяти, если не форс-мажор.

— Не, это я догадался. А кто тебя, эм... «натыкал»? Полкана ментовского разве так можно? — ёрничает удивлённо.

— Не полкана, а полковника, и не ментовского, а полицейского. За языком следи, а то не все такие понимающие, как твой отец, — отчитываю, но с улыбкой на лице. — Учительница твоя отличилась. Вызвала сегодня в школу и отчитала.

— Вот же... сс... — ловит мой взгляд и осекается. — Зараза принципиальная!

— Ну, быть принципиальным не так и плохо, — пожимаю плечами. Встаю из-за стола и организовываю нам с сыном лимонную воду. — А она тебя предупреждала?

— Скорее угрожала! — дуется так по-детски, что я ещё больше убеждаюсь в правдивости и правильности слов Тamarванны. — Сказала, что если я не буду вести себя прилично, будет тебя таскать в школу всё время. Неугомонная! Все остальные уже отвалили давно. Даже математичка не так занудствует.

— Ну, слово она своё сдержала, — задумчиво кручу в руках бокал с водой. — Я не буду тебя отчитывать за дурацкие выходки — сам был пацаном, понимаю, что, куда и почему. Вот только учиться придётся. Завтра съездим, заберём учеб-

ники в библиотеке, купим тебе тетрадки и всё прочее. Решай вопросы с пацанами вне учебного поля. Иначе разговор будет другим.

Не знаю, получается ли мне донести мысль до сына, но вид у него пришибленный.

— Хорошо, батя, только это... — мнётся.

— Что? Есть возражения? — уточняю, выгибая вопросительно бровь. Дурацкая привычка, перенятая от Огородникова.

— Нет, — машет головой, но спохватывается. — То есть да: завтра суббота!

— Вот чёрт! — вырывается у меня. — Ну тогда в библиотеку — в понедельник, в магазин — завтра, но ближе к вечеру, хотя... лучше в воскресенье.

— Ага... — Вижу, что Вадим не верит. Всё-таки моё тотальное отсутствие времени сын принимал за безразличие. Но это не так. Я просто... бестолковый, как и он.

— Ладно, сын. Есть ещё момент, — перехожу на совсем строгий тон. — Ты уже выучил Васю и Артура?

— А, да. Нормальные мужики такие, — кивает сын, не понимая, к чему я.

— Если Артур или Василий приезжают за тобой и предлагают съездить за пирогами к тёте Гане, ты без всяких возражений бросаешь всё и уезжаешь с ними, — пытаюсь не напугать сына и объяснить всё чётко.

— Па-а-ап? — испуганно тянет Вадим. — Тебе что-то

угрожает?

Вижу в его глазах настоящий детский страх. Наверное, я зря его считал взрослым. Он ребёнок. Подросший, но ребёнок. Которому нужно внимание и который горюет о маме и боится за отца. Широко улыбаюсь, так, чтобы сын ни о чём не догадался.

— Нет, конечно. Кто бы посмел? — хмыкаю с превосходством. — Но! На моей работе может быть всё что угодно. Правила безопасности должны быть известны сразу. По уму, я должен был тебя предупредить сразу после переезда, но тогда не успевал подготовить пути отхода для тебя.

— Офигеть! Прямо как в боевике! — тут же меняется настроение сына.

Мысленно ухмыляюсь. Знал бы ты, сын, насколько всё круче, чем в боевиках, стал бы ночами ссаться. Наверное, в этом тоже призвание родителей — оберегать своих чадушек.

Глава 10

*«Мне нравится то, что с таким талантом Пушкин не побоялся стать народным поэтом.»
Из школьных сочинений. Просторы интернета*

Музыка: «Плечом к плечу» (Frolova)

Макс

— Спасибо, доктор! — жму руку отличному офтальмологу и, нагруженный рецептами, выхожу в коридор. Всё не так плохо, как могло бы быть, но если забить, то через годик надену очки.

Бросаю взгляд на часы и ускоряюсь. Когда у нас решили построить реабилитационный офтальмологический центр для детей, ко мне в частном порядке обращались за помощью с системой безопасности. Поэтому я отлично ориентируюсь в центре, знаю слепые зоны и могу попасть в VIP-отделение за несколько минут.

Там сейчас лежит дочь второго по влиятельности человека нашей страны. Девочка попала сюда после не самого удачного похищения, и я абсолютно уверен, что детей в деле Ретининых похитили те же люди. Банда, похищающая отпрысков сильных мира сего, существует не первый год, но по понятным причинам никто ничего не рассказывает полиции.

Премьер тоже вряд ли согласится, но попытка — не пытка. Света — его младшая дочь, поздняя, любимица. Старшие уже самостоятельны: сын — сам политик, имеет свой штат охраны; дочь замужем за олигархом такого уровня, что охрана президента отдыхает. А вот младшая попала под замес: школа, даже самая элитная, — не самое сложное место для проникновения.

Впрочем, было бы желание, вскрыть можно любой объект. Вопрос лишь денег, ресурсов и желания. А ну и беспринципности само собой.

В коридор перед палатой вылетаю как раз тогда, когда невысокая фигура премьера показывается из-за двери палаты. Его бодигарды тут же напрягаются, готовые скрутить меня в один момент, но властный голос заставляет их, как дрессированных псов, замереть на месте.

— Полковник Петровский? Какими судьбами? — В отличие от смысла слов, тон политика не выражает абсолютно никакого удивления. Мы пересекались вживую много лет назад, когда я ещё был чемпионом по боксу. Удивлён, что он узнал меня: в отличие от этого не самого приметного внешне человека, будто застывшего в вечных пятидесяти, я прилично изменился.

— День добрый. Решил воспользоваться вашим присутствием в городе и задать пару вопросов, — улыбаюсь максимально благодушно.

— А ничего, что до города километров тридцать? — уточ-

няет с тонкой подколкой.

— Это такие условности! — продолжаю улыбаться.

— Вы как были очаровательным наглецом, так и остались.
Пойдёмте.

Меня достаётся лёгкая снисходительная улыбка, что в властных кругах считается весьма высокой степенью признания человека. Такая улыбка — далеко не для каждого.

Охрана тут же расступается. Правда, прежде чем допустить к «телу», один из ребят проводит лёгкий досмотр. Но я это понимаю — их работа.

— Мне нечего вам сказать, Максим, — отрезает премьер, стоит мне подойти к нему. Глупо было думать, что он не раскусит мой замысел, встретив у палаты больной дочки.

— А я и не требую никакой официальной информации. Мне достаточно будет намёков, полутонов или догадок, — пожимаю плечами и решаю играть полностью в открытую. — Связать эти дела в одно ума большого не надо, но я не могу поверить, что вы оставили безнаказанными хоть кого-то из этой группы отморожков. Считать вашу службу безопасности настолько беспомощной не получается.

Премьер останавливается, пытливо всматривается в моё лицо, а потом молча продолжает путь.

— Знаете, ведь решение открыть центр именно у вас было не случайным, — говорит он спустя долгие минуты. — Я внимательно слежу за регионом со времён, когда прошла реформа полиции. Здесь чистка кадров проходила тяжело,

как никогда, но мне нравится, что получилось у вас с Огородниковым.

Сохранить лицо получается не до конца. В те времена мы с Алексеем Николаевичем не всегда действовали законно, и не всё вошло в «протоколы», скажем так. Знать, что наши «небольшие забавы» известны на самом верху, весьма... напряжно.

— Не напрягайтесь, — мягко улыбается он, хотя глаза по-прежнему остаются холодными. — Нас всё устраивает.

Он так говорит это «нас», что я понимаю: речь не только о нём.

— Вам бы ещё поднапрячься и довести всё до ума, — очень непрозрачно намекает он на разногласия Огородникова с начальником полиции города. Есть у нас такой косяк. Обойти этого хитрого гада у нас пока не получилось.

А премьер продолжает:

— Впрочем, я верю, что это просто вопрос времени. Положение в регионе уже сейчас одно из лучших. Потому о деле Ретининых трубят так громко. Потому я и подозревал, что вы придёте.

Тяжело вздыхает, позволяя на секунду себе искренние эмоции. Я молчу, ловя каждое слово: мне это потом ещё переваривать. Этот человек попусту не говорит никогда.

— Когда Свету похитили, ребята разнесли всё и всех. Поверьте, от банды не осталось ни клочка, — удивлённо дёргаю бровями. Что это тогда? Подражатели? Потому так действу-

ют?

Не успеваю ничего спросить, потому что премьер поясняет:

— Вот только заказчиков мы не нашли. Нам известно, что во главе группировки — три человека с позывными по номерам: первый, второй и третий. Никто и никогда их не видел. Всех исполнителей они убирают сразу же. Для них после неудачного похищения убрать двадцать—тридцать человек, включая узких спецов высокого уровня, — как нечего делать. Вот только эти трое всегда уходят.

Премьер замолкает, а я перебарываю. Все исполнители — расходные пешки, получается? «Мелкие» заказы — исключительно на прикорм действующих спецов, а настоящие заказы — лишь иногда, после чего зачистка. Тогда нападение на дом Ретининых не укладывается в эту схему.

— Вижу, вы делаете правильные выводы, — удовлетворённо кивает мой собеседник. Мы уже дошли до выхода из здания, но покидать его не спешим. — Мой человек передаст тебе всю информацию, что у нас есть. Ознакомишься при нём в машине. Ничего не копировать, ну и не распространяться, откуда данные. Впрочем, что я тебя учу? Не первый год замужем, поди.

Улыбается открыто и прощается со мной за руку. Меня отводит в сторону крепкий «безликий» бодигард. Они все тут как клонированные — ни одной выдающейся черты лица.

— Петровский? — неожиданно окликает меня премьер-министр.

Я торопливо подхожу к дверям, и мне в руку попадает пластиковая визитка чёрного цвета. Номер на ней увидеть надо ещё постараться.

— Если поймёшь, что поймали хвост, но будет не хватать ресурса — звони. Решим вопрос. Ну и в ваших с министром вопросах поможем, но там — исключительно официально. До встречи.

Окончательно прощаюсь со вторым человеком в нашей стране. Пока иду с его спецом к машине, тяжело веду плечами. Мощь этого человека не в росте, мышцах или боевых навыках. Его власть и сила продавливают ментально, даже таких бывалых волкодавов, как я.

Выпадаю из происходящего часа на два. Лопачу гигабайты информации. Запоминаю лица и биографии мёртвых специалистов из числа нападавших на дочь премьер-министра. Все до этого известные случаи и хвосты. В голове множатся вопросы, но откладываю их на потом. Сейчас главное — как можно больше всего запомнить. Анализировать буду дома.

Прощаюсь с безликими охранниками и выезжаю на трассу к городу. Мыслей — миллион. Дорога спокойная и ровная, можно спокойно разобрать версии. Не успеваю я зацепиться за настойчивую идею, что бьётся уже не первый раз, как звонит телефон.

— Товарищ полковник, — вибрирует голос Василия в

трубке. — Дети нашлись!

Глава 11

*«Папа Карло взял и вырубил Буратино.»
Из школьных сочинений. Просторы интернета*

Музыка: «Ничего не жаль» (Денис Майданов)

Тома

— Карасёв три-четыре, Иванов четыре-четыре, Гончаренко пять-пять, Петровский пять-три, Демидова четыре-три. — Объявляю восьмому «Б» оценки за диктант. — Всё? Никого не потеряла?

В ответ слышу отрицательный гул.

— Домашнее задание: работа над ошибками. Всем в электронном журнале прикрепил индивидуальные карточки. Проработать больные места. Отличники ловят халаву. — Только успеваю договорить, как звенит звонок. — Демидова и Петровский, задержитесь, остальные — свободны. Всем хорошего дня!

Класс сбегает, будто за ними гонятся волки. Боятся, что я передумаю и накидаю им в нагрузку ещё заданий. Улыбаюсь.

— Тамара Ивановна, вы просили подойти, — робко улыбается и краснеет Верочка Демидова.

Стесняется вся, бросая на Вадима пугливые взгляды. Разведка донесла, что Петровский на физкультуре пофорсил в обтягивающей баскетбольной майке. С этого момента все од-

ноклассницы, что уж перестали играть в куклы, превращаются при нём в безмозглых куриц. Этот выюноша со взглядом горящим уже сейчас похож на комок тестостерона, а если гены отца ещё разыграют, то к одиннадцатому классу у нас тут будет галерея разбитых сердец.

— Да, Верочка, это тебе материалы по темам, что ты болела. Я скидывала часть материалов, но ты не доработала. Все ошибки — только по этой теме. Если у самой не получится, приходи вечером на консультации. Время знаешь? — протягиваю девочке пару распечаток с пропущенными темами.

— Да... — робко, потом увереннее: — Да! Время знаю, спасибо, Тамара Ивановна, я побежала.

И вылетает из класса, как пробка из перегретого шампанского. Улыбаюсь ей вслед.

— Тamarванна? — зовёт меня Вадим.

— А, да! — собираюсь и прекращаю подвисать. — Ты, Вадим, взялся за ум, что меня чрезвычайно радует, но есть темы, которые ты либо пропустил из-за переезда, либо просто не понял.

Роюсь в ящиках стола и достаю ещё стопку распечаток.

— Вот, — протягиваю младшему Петровскому листы, — здесь максимально просто разобраны темы, но если сам не справишься, тоже жду на консультациях.

Улыбаюсь, когда Вадим забирает листы. Разговор с отцом дал результат. Жаловаться на Вадима на уроках — грех. А то, что он сам стал выглядеть для девочек как тот самый

грех, — ну, это к уроку не пришьёшь. В конце концов, свой статус в классе он заработал.

— Спасибо, Тamarванна, — улыбается как-то стеснительно. Даже непривычно видеть нагловатого парня таким. Будто день и ночь с тем учеником, которого я увидела в первый день.

— Да не за что, Вадим. Это моя работа, — улыбаюсь в ответ. Мне определённо нравится такой Вадим Петровский.

— Да не только за это, — щёки парня предательски краснеют, когда он продолжает. — За то, что с отцом поговорили, спасибо. Я не знаю, что вы ему сказали, но это была ульта! Батя теперь приходит домой до того, как я спать ложусь. Разговаривает со мной, на тренировку заезжал. Да он готовит сам! Прикиньте? Я даже не знал, что он умеет!

Петровский говорит, захлёбываясь, а я очень за него рада. Мне все уши прожужжали про нимб над головой у полковника Петровского. Всем он чудесен: справедливый, спортивный, своих не бросает, но мне казалось, что как отец он безнадёжен. Слава богу, что мне показалось. Я искренне рада за Вадима. Если у них с отцом наладится, то и в остальном у Вадика выправится.

— Я очень рада за тебя! — говорю искренне, когда у Вадима заканчивается словесный поток. — О твоём отце много говорит весь город. Его хвалят, им восхищаются. Он отличный профессионал, а вот как отец, я так поняла, не самый опытный. Помочь ему можешь только ты. Разговаривай

с ним, делись мыслями, событиями. Это двусторонняя дорога.

— Понял. Вы это... если чё, говорите. Помогу, чем смогу, — Вадим ерошит волосы, отводит взгляд и ещё больше алеет. Такой милый в этой застенчивости, а на словах — настоящий мужчина.

— Я это делала не ради благодарности, но буду иметь в виду! — говорю мягко, улыбаясь. — Всё, беги, у тебя ещё занятия.

— Блин, точно! — Вадим срывается с места, на бегу прощаясь со мной.

А в класс уже заходят одиннадцатиклассники. С ними уроки пролетают как один миг. В этом году отличные классы: цельные, собранные, активные в школьной жизни, местами шкодливые, зато с ними не скучно.

— Тамара Ивановна, а у нас на следующей неделе уроки будут? — спрашивает Лиза ближе к концу занятий.

— Будут, а почему их не должно быть? — удивляюсь.

— Да говорят, что у десятых классов учительница уезжает на какую-то конференцию, квалификацию повышать. В четверг и пятницу не будет уроков. Ну мы и подумали, что вы тоже.

Невинное замечание девочки заставляет втянуть воздух полной грудью. Точно. Приглашение же приходило. Мой мозг сразу отбраковал эту информацию как травмирующую, даже запоминать даты не стал.

С трудом удерживаю лицо. Здесь дети, а им незачем видеть слабость учителя.

— Не волнуйтесь, в этот раз я точно никуда не поеду! — с трудом взяв себя в руки, мило улыбаюсь детям. По крайней мере, пытаюсь быть такой.

Всё хорошее настроение улетает в трубу. Урок довожу на выдержке и опыте.

— Задания...

— ...в журнале! — заканчивают за меня хором одиннадцатиклассники и звонко смеются.

— Даже если у нас умрёт инет, журнал и все мессенджеры, вы разошлёте его нам по обычной почте! — вещает Широков.

— Не угадал, — подхватываю настроение ребят, обрадованных предстоящими выходными. — Лично по домам разнесу.

— Ой, нет, мы тогда уж лучше сами к вам, — смеётся второй балабол класса — Быстров.

— Да-да, я так и представляю, как весь класс в полном составе под окнами Тамары Ивановны слушает всё про синтаксические нормы, — подхватывает хохотушка Алёна.

Я прыскаю от смеха, представив эту картину. Я как Ленин, только не на броневике, а на балконе, вещаю во двор про изобразительно-выразительные средства синтаксиса. Вот порадуются мои престарелые соседки!

— Так, фантазёры, я надеюсь, что у всех всё будет хоро-

шо, а с вами в полном составе мы встретимся в понедельник. Потому — не смейте болеть! Идите уже! — отпускаю наконец выпускников.

Удивительные дети: сами угробили настроение, сами подняли.

Устало опускаюсь на учительский стул, оглядывая кабинет. Привожу себя в порядок, мысленно перечисляя, что надо сделать перед выходными: убрать словари в шкаф, цветы полить в рекреации, я на этой неделе дежурная — вода как раз с утра отстоялась, — парты подравнять. Стулья ребята подняли, но надо проверить, вдруг внутри парт мне какие-то сюрпризы остались. Доску в порядок привести. Занести оценки в журнал с последних уроков, выключить всю технику. И не забыть сетевой фильтр! А то у меня бывает.

Из мысленного составления списка дел меня отвлек короткий стук и размашистый шаг нашего директора.

— Тамара Ивановна, доброго дня! — бодро улыбается Устюгов.

— Добрый день, — без особого энтузиазма отзываюсь. Кажется мне, что день добрым быть перестал.

Дмитрий Егорович без всякого стеснения отодвигает стул и устраивается за партой прямо передо мной.

— Тамара Ивановна, мне тут сказали, что вы отказались от участия в конференции? — директор спрашивает спокойно, а внутри меня — буря. Я так и знала. Впиваюсь ногтями в ладошки.

— Да, я не буду участвовать, — говорю твёрдо, несмотря на внутренний раздрай.

— Можно узнать почему? Это же ваша профильная тема! У вас даже авторский комплекс заданий разработан по этой теме, — Дмитрий Егорович не давит, не заставляет. Ему правда важны мои причины.

Вот как ему рассказать?

Это же не Зинаида Ивановна с её взглядом повидавшей всё на свете женщины. Она к себе в кабинет, бывало, как заманит, чайку нальёт — и всё, ты уже ей рассказал всю свою биографию в подробностях.

— По личным причинам, — выдавливаю с трудом. Устюгов смотрит на меня пытливо, ожидая продолжения, а у меня будто челюсти сводит.

— Жаль, — сокрушается директор. — Вам даже персональное приглашение прислали, за подписью председателя оргкомитета.

У меня от возмущения аж рот открывается. Чувствую, как закипаю изнутри, а волна жара следом разливается по мне. Вот же беспринципная сволочь! Делаю несколько глубоких вдохов. В моих мыслях сейчас — всё содержание курсовой за третий год обучения. Устаревшая обценная лексика была моим спасением, пока я восстанавливалась.

С трудом решаюсь всё объяснить директору. ЗИЛ знала всё обо мне, и таких глупых вопросов не возникало. Очевидно, эта козлина не первый раз шлёт приглашения. Просто

до меня они не доходили раньше. Дай бог здоровья Зинаиде Ивановне! Я обязана ей сохранностью миллиона моих нервных клеток.

— Дмитрий Егорович, — выдыхаю тяжело. — Я сейчас расскажу кое-что личное и очень прошу вас не распространяться об этом.

— Конечно, — Устюгов изображает пантомиму с замочком на губах. Он чуткий руководитель и легко считал моё настроение.

— Простите, что вываливаю всё это, но... наверняка приглашения ещё будут, а я всегда буду отказывать. — Начинаю с объяснения своей позиции. А потом сухо, насколько могу бесстрастно, описываю ситуацию. — Когда я училась на втором курсе, к нам перевёлся аспирант. Тема его была по другой специальности, у нас он ничего не вёл. Долго ухаживал за мной, и я сдалась. О нашем романе знали все. Кроме его жены. Однажды она просто приехала в общежитие, где мы жили, и устроила скандал. С дракой. По её версии, виновата была я. После скандала я больше месяца провела в больнице, а потом перевелась в наш педагогический. Этим аспирантом был Эдуард Петрович Бзыря — ныне доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики.

— Пи.. полный шок! — Устюгову с трудом получается удержать лицо. Не осуждаю. Сама понимаю, насколько это всё «кринжово». Грустно улыбаюсь.

— Я не считаю себя виноватой в той истории. Не коп-

лю злобу и не живу прошлым, но на конференции, где Бзыря — председатель оргкомитета, принципиально не езжу. — Насколько могу, спокойно поясняю ситуацию. Не вру. Просто не договариваю. Роман, позор, крах мечты и даже драку я простила. А вот убийство только зародившейся жизни — нет. И никогда не смогу.

— И абсолютно правильно делаете, — с абсолютной уверенностью говорит Устюгов. — Я больше вас по этому вопросу не потревожу. И извините, я не думал, что всё так...

Я лишь вежливо улыбнулась. Сил говорить нет. Устюгов уходит, а я, положив голову на руки, окунаюсь в забытые болезненные воспоминания. Разговор разбередил душу. Заставил выплыть то, что я день ото дня обвязываю верёвками, закидываю камнями и топлю как можно глубже в своей душе.

Я дважды могла стать мамой. Дважды этот шанс обрывался ещё до того, как сама узнавала о беременности. Жена Эдика избил меня с такой силой, что, помимо выкидыша, у меня были сломаны рука и ребро. Я, наивная студентка, была в таком шоке от самого факта наличия жены у любимого мужчины, который ухаживал за мной на весь студгородок, что даже не смогла сопротивляться.

Если бы я была наглее, смелее и смогла постоять за себя, мой ребёнок... сын или дочь... ходил бы в один класс с Вадимом Петровским... Хотя нет. Со Славой Устюговой. Да...

Второй раз я была беременна, когда попала с мамой в аварию. Отец ребёнка и в тот раз был из представителей парно-

копытных, но для меня это значения не имело. Ведь дети не виноваты в грехах родителей. Там срок был совсем маленький, и казалось, что всё обошлось без последствий. Тогда, но не сейчас...

Тяжело смотрю в окно... Смахиваю одинокую слезу, что сиротливо скатилась по щеке. Не хочу тратить своё время на пустые обвинения и самокопание. Даю себе минутку пострадать и берусь за дела. Цветы сами себя не полиют...

Глава 12

Глава 12

«Дубровский вел отношения с Машей с помощью дупла».

Из школьных сочинений. Просторы интернета

Музыка: «Всё будет вовремя» (АИЛИ)

Тома

— Да-да, на выходных я никак не могу. Нет, даже дистанционно. Меня не будет в городе. Нет, к сожалению, я не смогу позаниматься с ноутбука. Даже если вы его сегодня мне завезёте. Не переживайте, Оксана Кирилловна, у вашего сына ещё полтора года до экзаменов! Мы всё успеем. На следующей неделе мы позанимаемся два раза. — Я ещё минут пять слушаю страдания мамы восьмиклассника о его ужасных успехах в школе и, наконец, прощаюсь.

Тяжело вздыхаю.

— Что случилось, дочь? — спрашивает папа, входя на кухню, где я засела вести переговоры с учениками и их родителями.

Мне хорошо за тридцать, и я живу с отцом. Звучит как признание в клубе каких-нибудь анонимов. На самом деле всё просто: я не вижу смысла в отдельном проживании. Моя личная жизнь находится в настолько безнадёжном положении, что я просто смирилась. Папа после смерти мамы тоже закрылся от всего мира. Нам хорошо вдвоём. Тем бо-

лее что трёхкомнатная квартира, полученная в далёком советском прошлом моим дедом-инженером, невероятно комфортна для совместного проживания.

— Я НИКОГДА больше не буду брать учеников младше девятого класса от знакомых и всяких шишек! — в очередной раз зарекаюсь.

— Что на этот раз? — с улыбкой интересуется папа. Щёлкает кнопкой чайника и роется в шкафу в поисках вкусностей.

— Это внебрачная дочь министра образования области, ну и, следовательно, его внук. — Вздыхаю тяжело. — Отличный мальчишка, шепутной, но умненький. И невероятно тревожная мать. Просто клиника какая-то!

— У Олега Петровича есть внебрачная дочь? — удивляется папа. Так и не найдя сладостей, начинает разводить себе чай. — Он вроде примерный семьянин всегда был.

— Как я поняла, она родилась до его официального брака, но с её матерью у него не получилось. Просто добрачный ребёнок. Слухи об их отношениях ходят разные, но, сам понимаешь, правду никто не расскажет. — Снимаю очки и устало тру глаза. День сегодня был долгий. Завтра свадьба у Инны, а я с трудом успела всё.

— Ясно. Ну всякое бывает, — папа философски пожимает плечами. Он в целом не особо любил заглядывать в чужие корзины для грязного белья. — Дочь моя, а у нас в доме хоть сахар-то есть?

Папа — жуткий сладкоежка. Сахар у него скачет, врач просит ограничивать. Поэтому мы перешли на сахарозаменитель и полезные сладости. Всё это крайне бесит папу. А сегодня у меня попросту нет сил воевать с отцом за его здоровье: последние анализы были хорошие, да и он тоже устал.

— Посмотри в соседнем ящике. И зефир, который ты проигнорировал, очень вкусный. Он домашний. — Улыбаюсь, глядя, как папа радуется сахару.

— Какой зефир? — Папа опять ныряет вглубь кухонного гарнитура в поисках вкусностей.

— Вот та коробочка с тюльпанами, — удалённо руковожу отцом. — Левее, правее, за конфетами из зелёного чая. Ага.

— Это съедобно? — недоверчиво уточняет отец. — В прошлый раз у тебя так выглядело мыло.

Смеюсь. Да, дети как-то подарили на 8 Марта мыло в виде тюльпанов, отец долго ругался, глядя на такое безобразие в ванной.

— Точно-точно! Это моя ученица после девятого класса собирается поступать в колледж на кондитера, тренируется.

Благодарю отца за чай и с удовольствием первой ем зефир. М-м-м, как вкусно! Надо будет ещё раз поблагодарить за него.

— А вкусно! — удивляется папа. — И что, совсем без сахара?

— Да, там какой-то заменитель. — После сладкого глаза мгновенно начинают слипаться, но мне нельзя. Надо ещё по-

гладить платье на завтра.

— Какая-то ты совсем замученная, — чутко подмечает папа. — Может, сократишь занятия?

— Со мной всё в порядке, — улыбаюсь.

Меня часто спрашивают, зачем я так много работаю. Ипотеку платить не надо, детей или мужей, которых надо кормить, нет. Папа вполне самостоятельно и прилично зарабатывает. Я всегда отшучиваюсь про кредиты, которые сами себя не заплатят. Вот только кредитов у меня нет. А есть цель. Надеюсь, завтра я стану к ней немного ближе.

С утра мне надо успеть в центр репродукции. Пришли мои последние анализы, и врач хочет обсудить предстоящее ЭКО.

После моих неудачных романов и просто злого рока в лице бесконечной череды женатых парнокопытных я зареклась заводить отношения. Даже если вдруг мне попадётся свободный, я всю жизнь буду бояться, что бумеранг вернётся. Что я окажусь по ту сторону измены. Не хочу так. А ребёнка хочу.

Я решила на ЭКО, накопила денег — не только на процедуру, но и на первое время. Чтобы я и малыш ни в чём не нуждались. Да, отец всегда поможет и поддержит, но жизнь так быстротечна, а он не молодеет. Я сама должна быть уверена в финансовой безопасности.

Если завтра всё пройдёт успешно, то летом мы начнём процедуру ЭКО.

Губы сами собой растягиваются в улыбке. Я уже представ-

ляю своего малыша: крепенького, темноволосого, с пронзительными голубыми глазами. Я буду качать его на руках вопреки всем советам «не приучать», буду не спать сутками, готова терпеть любые невзгоды — только бы этот малыш стал реальностью.

— Дочь? — зовёт отец.

— А? — встряхиваюсь, совсем ушла в себя.

— Ты чего зависла? — уточняет, доедая зефир.

— Да вот, завтра свадьба у Инны. Вспоминаю, всё ли подготовила, — выкручиваюсь. Отец против «детей из пробирки». Для него я просто случайно «залечу». Благо, он никогда не лезет в мою личную жизнь, хотя и знает о моём «везении». Поэтому вряд ли удивится отсутствию папы у моего малыша.

— О! Точно, хотел предупредить. Я на все выходные на даче. Подготовлю там всё к Новому году, — улыбается довольно. Когда папа поест сладостей, он мне всегда напоминает кота Матроскина в версии «Союзмультфильма».

— Не передумали ещё? — уточняю. По осени на отца вышли его одноклассники из университета. Предложили провести какую-то необычную встречу. А отец возьми и пригласи всех на дачу. А они взяли и согласились. Их немного осталось в живых, ну и готовых идти на контакт. Человек 7–10 будет в итоге. Папа договорился с соседкой. Снимет у неё дом под ночёвку, а гулять будут у нас. Вот все выходные и ездит туда марафет наводить.

— Ты что, дочь! У нас плейлист составлен, Петрович привезёт кинопроектор, белую простыню нашёл, девочки наши меню всюю обсуждают. Будет как в лучшие годы! — Глаза отца горят, пока он рассказывает. И я очень рада видеть его таким. Если ему для этого надо учинить пьяную вечеринку на даче для тех, кому «за...», то кто я такая, чтобы препятствовать?

С удовольствием слушаю их план на новогоднюю ночь.

— Папа! Я всем скажу, что ты завёл женщину! — предупреждаю строго, улучив паузу в его рассказе. — В это поверят больше, чем в отвязную вечеринку выпускников Бауманки 85 года.

Папа заливисто смеётся.

— Говори, что хочешь, дочь! Но мы не по-детски оттянемся!

Папа забирает мою кружку и идёт мыть посуду, по пути пританцовывая нечто среднее между «Макареной» и танцем маленьких утят. Не выдерживаю и тоже хохочу.

Чмокаю отца в колючую щёку.

— Всё, я побежала собираться. Завтра длинный и сложный день!

— Удачи, малышка!

Слышу вслед, уже выходя из кухни.

Весь вечер, пока собираю пакет в центр репродукции, сумку в школу и кофр с платьем, чтобы переодеться перед свадьбой подруги, думаю о завтрашнем дне. Мысленно мо-

люсь, чтобы всё прошло успешно.

— Господи, подари мне ребёночка! — шепчу, проваливаясь в сон.

Глава 13

«По дороге в Богучарово Андрей Болконский, как старый дуб, расцвел и зазеленел.»

Из школьных сочинений. Просторы интернета

Музыка: «В чемодане» (Марат Мэлхарт, PUDAN)

Макс

Делаю глубокую затяжку и выпускаю дым в ночное небо. Цепляюсь взглядом за небесный пейзаж. Красиво. Здесь, за городом, видны звёзды — в городе такое редко встретишь. Курю, разглядывая небо. Зябко веду плечами в тесном пиджаке. Хреновая, конечно, идея — курить на улице в одном костюме, но идти за пальто крайне лениво. С другой стороны, холод остужает и замедляет. Эта внезапная свадьба Инны как нельзя кстати. Выдохнуть надо, а это отличный повод.

— Тебе не кажется это всё странным? — басит над ухом Александров. Местный бизнес-воротила с околкриминальным прошлым. У нас нормальные отношения. Он никогда не лез в чернуху, мы смотрели сквозь пальцы на некоторые шалости. В целом — нормальный мужик. С понятиями и честью.

— Здоров, — разворачиваюсь и жму крепкую руку. Редко кто сравним со мной в габаритах — вот Константин Сергеич из таких. — Ты про что? Про свадьбу Инны и Рыльева? Так

любовь у людей.

— Да ну тебя, — жмёт крепко руку и отмахивается. — Я про похищенных детей.

— А тебя-то это каким боком? — подозрительно щурюсь. Конечно, мне, блядь, всё кажется подозрительным там. Не отпускают похищенных детей просто посреди трассы. Особенно если из-за них положили целый особняк.

— У меня дочь, и ещё одна на подходе. Я, знаешь ли, не хочу оказаться на месте Ретининых, — Александров тоже закуривает.

— Тебе это не грозит, — ухмыляюсь и поясняю в ответ на удивлённый взгляд собеседника. — Рядом с твоим домом не три охранника крестом, а маленькая армия.

— Пф-ф-ф, — отфыркиваясь, Константин выпускает дым. — Сам же знаешь, что на любую армию найдётся хитровыдуманный противник. К тому же я не хочу запирать дома ни детей, ни жену.

Хмыкаю: как он умело обошёл момент, что его собственная система безопасности сейчас не в лучшем виде. Скандал с его начбезом гремел на весь город.

— Ну раз ты так заинтересован, поделись информацией, — решаю воспользоваться возможностью и получить максимум пользы. Вряд ли бы Александров подошёл ко мне, если бы реально не опасался за семью. А значит, имеет на то основания: знает, чьи ещё дети были похищены.

Ловлю ответный взгляд Константина. Тот понимающе

кривит губы.

— Никаких имён я тебе не скажу, но посоветую поговорить со старокоронованными товарищами. Даже если они уже не при делах.

От удивлённого матерка меня останавливает только годами выработанная выдержка. Вот про кого-кого, а про этих людей я бы никогда не подумал. Намёк вполне понятный. В городе не так и много воров в законе, а уж старых — всего два. Это же насколько отбитыми надо быть, чтобы похищать их детей? Впрочем, о чём я? Они похитили дочь премьер-министра — что им какие-то вышедшие в тираж авторитеты.

— Понял, принял, переварил, — киваю коротко. — За твоими негласно присмотрят ребята из компьютерного отдела. Ничего не гарантирую, но...

— Без «но», спасибо, — искренне жмёт руку Константин. — Я прекрасно знаю ваши возможности.

Не отвечаю на благодарность. Не говорить же ему, что за его семьёй и так следили. Самый крупный бизнесмен области — настолько лакомый кусок, что упустить его из виду было бы верхом глупости.

— Не хочешь пригласить к делу сегодняшнего жениха? — неожиданно спрашивает меня Александров.

— Рыльева-то? — уточняю. Мало ли, он кого другого имел в виду.

— Ну да. У него есть связи в м... определённых кругах.

Хмыкаю и выкидываю сигарету в урну. Как он ловко обозначил «решалу» для богатых и благородных. Про Рыльева ходили разные слухи, но этот хитрожопый товарищ всегда умудрялся остаться в границах закона. На тоненького, но не прикопаешься, а там, где можно прикопаться, — нет законных доказательств. Не зря его официальная профессия — адвокат: с законом он работал виртуозно.

— Честно говоря, не питаю доверия к его деятельности, — отвечаю после недолгого молчания. Между прочим, даже честно. — Человек, который подкинул нам сегодня с утра кучу трупов в лучших традициях 90-х, слабо похож на того, кому можно доверять.

Александров смотрит на меня пытливо, потом, будто решившись, говорит:

— Поверь, Петровский, оно стоило того. Крысы должны грызть свои собственные головы, а не пускать в расход слабых.

Удивлённо вздёргиваю бровь, а тот лишь кивает.

Дочь одного из «невинно убиенных» сегодня внезапно пропала. А до этого в криминальных кругах ходили слухи о похищении. Брак ради восстановления чести и прочие тёрки в традициях криминала. Мы и внимание-то обратили только из-за похищения, но девочка была совершеннолетней, а значит — не наш формат. Интересующие нас люди работали только с детьми до 18. А тут заявления нет, публичного факта тоже нет — а значит, и дела нет.

Получается, не всё там было так «чисто», как они демонстрировали на публике. Ну что ж... Будем иметь в виду.

— Спасибо за информацию! — жму руку Александрову и возвращаюсь в зал.

От неожиданного тепла передёргиваюсь. Перемерзшие мышцы противно колет. Разминаю плечи, чтобы сбросить напряжение, и иду к столу с напитками. Надо реально отдохнуть, а разбираться с новой информацией буду завтра.

Правда, как бы ни отрешался, мозг анализирует Рыльева-Егор — не та личность, которую хотелось бы видеть на своей территории. Слишком много проблем с ним было связано. Появление его тётки и проблемы с отцом — лишнее тому подтверждение. Рыльев, конечно, профи и вроде как мужик адекватный, но... С другой стороны, вряд ли бы Инна выбрала себе в мужа мерзавца. А отец его... Ну, иногда яблоки падают очень далеко от яблонек.

— Чего хмурый такой? — спрашивает меня Егор, не подозревая, что именно он — причина моего хмурого вида. — Не рад за нас?

Губы невольно дёргаются в улыбке. Умеет он... располагать к себе.

— За вас-то я рад. Очень. А вот за себя — наоборот. Не рад.

— Это ещё почему? — удивляется Егор.

— Ты только освоился в регионе, а у меня: непонятная смерть в роддоме, потеряшка двадцатилетней давности, кри-

минальные разборки в стиле беспредельщиков. Думаю: вот где ещё прилетит? — решаю говорить напрямую.

— Хм, не стоит беспокоиться. Я не привык гадить там, где живу. Готов оказывать всяческое содействие в пользу родной полиции. В пределах своих компетенций. — Егор смотрит прямо в глаза, взгляд не отводит, говорит чётко. Всем видом демонстрирует свою надёжность.

Хмыкаю — очень непрозрачный намёк на то, что если мы не сможем что-то решить по закону, есть варианты.

Сука, как же меня напрягает это дело. Слишком всё запутано. Мало фактов, много намёков. И вот эти дружеские жесты с «в рамках своих компетенций» лучше не делают. Даже когда мы раскатывали огромную сеть по торговле детьми, было не так... стрёмно. Все инстинкты бывалого опера просто вопят, что я лезу в какую-то жопу. Причём лезть мне туда не надо. Мысленно ухмыляюсь: если инстинкты говорят «не надо», значит, я там точно буду!

— Спасибо, — говорю ровно, ничем не выдавая свой внутренний раздрай. — Мы постараемся сами, но буду иметь в виду.

Егор кивает, и мы ещё пару минут болтаем, как старые приятели. Что-то я в последнее время обрастаю какими-то странными связями и приятелями. Отпускаю Рыльева к молодой жене, которая светится счастьем даже на расстоянии. Допиваю виски, который умудрился незаметно закончиться

во время неспешного разговора.

Выхожу обратно в холл, набирая сына. Вот главный фактор, который заставляет меня в этот раз осторожничать. Теперь мне есть что терять.

— Да, пап, — откликается сын.

— Ты как там? — спрашиваю с улыбкой. Стоит отдать должное Тамарванне: после того разговора наши отношения с Вадимом сильно улучшились.

— О, шикардос! Рубимся в «Фифу», а ещё тут «ГТА» есть... — сын делится играми, в которые играет, а для меня будто перешёл на новый уровень мата.

— Тебя ночевать-то ждать? — спрашиваю со смешком. Как-то рановато мне пришлось задавать этот вопрос.

— Не, с нами тут «нянька» и Евгения Пална. Не пропадёшь, — слышу, как его на заднем плане зовут продолжать, и голос его удаляется от трубки.

— Ладно, сын, отдыхай! Если что — звони! — прощаюсь с улыбкой.

— Ага, давай, пап.

Всё, мелкий уже не со мной. Я рад, что всё налаживается. Прикрываю на секунду глаза. Усталость накатывает волнами. Последний год выдался отвратительно изматывающим. Хочется отключиться и отдохнуть. Сегодня — отличный повод и возможность. Параноик Егор раскидал вокруг базы столько охраны, что за безопасность беспокоиться не приходится. Тут не каждое армейское подразделение справится.

Надо переключиться. Хотя бы на одну ночь.

Возвращаюсь в зал, перехватывая по пути бокал крепкого сорокоградусного. Напиваться не хочу, так... мышцы расслабить. Отхлебываю хороший такой глоток вискарика. Интересно, а у Инны есть незамужние подружки? Я бы с удовольствием оттянулся, раз уж я нынче вновь — свободный от обязательств мужчина.

Окидываю зал профессиональным взглядом. Красивых женщин много, но большинство — парами, остальные... мимо. Цепляюсь за женственный силуэт в светло-голубом платье. Вот это ноги! Миниатюрные ступни спрятались в туфельках на офигенных каблуках и продолжают изящной линией щиколоток. Длинные, тонкие, изящные. Мой размер! Мой фасон! И попка к ним прилагается — очень даже хорошенькая. Руки мгновенно зачесались — взвесить её в своих лапищах. А ещё лучше — оформить это прекрасное сердечко в коленно-локтевую и пожать от души. Роскошная копна волос прячет изящную спинку и обнажённое плечико. Дама стоит чуть боком, потому и неплохую такую «двоечку» прекрасно видно. Лишь лицо скрыто от меня. Сомневаюсь, что там уродина. С другой стороны, не включать свет в номере — и все проблемы. С такой фигурой лицо не главное. Не детей же крестить?

Явственно ощущаю, что настроение приподнимается не только в голове, но и на добрый метр ниже.

Замечаю, что у дамы почти закончилось шампанское в бо-

кале. Подхватываю у официанта напиток. Ну что ж. Вперёд — на штурм.

Подхожу непозволительно близко, нагло нарушая личные границы девушки.

— Если бы я знал, что встречу здесь кого-то с настолько роскошными ногами, подготовился бы лучше, — говорю негромко, почти шепчу на изящное ушко. — Но давай без формальностей — меня зовут...

— Максим Маркович Петровский, — произносит незнакомка, оборачиваясь ко мне лицом.

Что за нах? Я в полном ауте! Передо мной — та самая Тарванна. Где она прятала всю эту красоту в прошлый раз? Или учительская униформа автоматически всех делает беспольными?

Глава 14

«Пушкин вращался в высшем свете, там же вращалась его жена».

Из школьных сочинений. Просторы интернета

Музыка: «Если с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.